

ОТ АВТОРА БЕСТСЕЛЛЕРА «ГОЛОС МОНСТРА»

Патрик Несс

ВОПРОС И ОТВЕТ

Обладатель
двух медалей
Карнеги

Новая редакция

Поступь хаоса

Патрик Несс
Вопрос и ответ

«РИПОЛ Классик»

2009

УДК 821.111(73)-312.2
ББК 84(7Coe)6-445

Несс П.

Вопрос и ответ / П. Несс — «РИПОЛ Классик»,
2009 — (Поступь хаоса)

Во второй книге трилогии Тодд и тяжело раненная Виола попадают прямо в руки своего заклятого врага – мэра Прентисса. В разлуке с Виолой Тодд вынужден и сам осваивать сомнительные методы нового режима. Но какие тайны хранят леса Нового света? Где Виола? Жива ли она? И что за группировка орудует в городе? Однажды прогремит первый взрыв...

УДК 821.111(73)-312.2
ББК 84(7Coe)6-445

Содержание

Конец первой книги	6
Часть первая	14
1	14
2	19
3	26
4	31
Часть вторая	35
5	35
6	40
7	45
8	51
9	57
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Патрик Несс

Вопрос и ответ

© Patrick Ness, 2009. All rights reserved

© Издание на русском языке, перевод на русский язык. ООО Группа Компаний «РИПОЛ классик», 2012

© Оформление. ООО Группа Компаний «РИПОЛ классик», 2017

* * *

Посвящается Патрику Гейлу

Кто сражается с чудовищами, тому следует остерегаться, чтобы самому при этом не стать чудовищем. И если ты долго смотришь в бездну, то бездна тоже смотрит в тебя¹.
Фридрих Ницше

¹ Перевод Н. Полилова.

Конец первой книги

– Шум тебя выдает, Тодд Хьюитт.

Голос... из темноты...

Проморгавшись, я открываю глаза. Вокруг сплошные тени и размытые пятна, все кружится, кровь кипит в жилах, в голове каша, я не могу думать и... снова моргаю. Так, погодите... стоп-стоп, мы ведь только что были на площади, я держал ее на руках, и... она умирала...

– Где она? – выплевываю я в темноту, чувствуя во рту вкус крови.

Мой голос хрипит, Шум вдруг вздымается алым ураганом и ревет: ГДЕ ОНА?!!

– Здесь вопросы задаю я, Тодд.

Этот голос...

Его голос.

Откуда-то из темноты.

Откуда-то сзади.

Незримый мэр Прентисс.

Я снова моргаю, и из мглы начинает вырисовываться огромный зал. Единственный источник света – круглое окно высоко-высоко под потолком. Стекло не прозрачное, а цветное: на нем нарисована наша планета с двумя лунами. Косые лучи света выхватывают из темноты только меня.

– Что вы с ней сделали? – спрашиваю я громко, смар-гивая свежую кровь, которая заливает глаза.

Тут я понимаю, что вытереть лицо не могу, потому что руки связаны у меня за спиной. В груди поднимается паника, я пытаюсь высвободиться из пут, дышу часто-часто и снова кричу во всю глотку:

– ГДЕ ОНА?!

Из темноты вылетает кулак, бьет меня в живот.

Я сгибаюсь пополам и сознаю, что привязан к деревянному стулу, причем рубашки на мне нет – осталась где-то на пыльном склоне. Меня тошнит прямо на ковер, узор на котором повторяет рисунок на оконном стекле: Новый свет с двумя лунами... снова, и снова, и снова...

Я начинаю вспоминать... Мы были на площади, куда я прибежал с нею на руках, прижимая ее к себе, уговаривая потерпеть, пока мы не доберемся до Хейвена, а уж там ее обязательно спасут...

Но в Хейвене мы не нашли спасения, в Хейвене были только *он* и его люди, они вырвали ее из моих рук...

– Заметил, что он не спросил: «Где я?», – произносит голос мэра у меня за спиной. – Его первыми словами были: «Где она?», и в Шуме звучало то же самое. Любопытно.

В голове и животе стучит, я снова прихожу в себя и вспоминаю, как дрался с ними, дрался до последнего, пока меня не ударили прикладом в висок, и тогда я провалился в черноту...

Проглатываю ком в горле, проглатываю панику и страх...

Теперь всему конец, так ведь?

Конец всему.

Мэр поймал меня.

Мэр поймал ее.

– Тронете ее хоть пальцем... – выдавливаю я.

Живот все еще болит от удара. Передо мной возникает мистер Коллинз, наполовину скрытый тенью, – мистер Коллинз, который выращивал кукурузу и цветную капусту и ухаживал за лошадьми мэра... и который теперь стоит надо мной с пистолетом на поясе и винтовкой за спиной, выставив перед собой кулаки.

– Да ее, похоже, и до нас уже изрядно «тронули», Тодд, – говорит мэр, останавливая мистера Коллинза. – Бедняжка!

Я стискиваю оплетенные веревками руки в кулаки. Мой Шум до сих пор смахивает на вязкую кашу, но мистер Коллинз вскидывается, стоит мне вспомнить ружье Дейви Прентисса... и как она падает мне на руки, охая, и всюду ее кровь...

Тут мой Шум становится еще краснее: я вспоминаю, как бью Дейви Прентисса кулаком в лицо, тот падает с коня, нога цепляется за стремя, и его тащит прочь, будто огромный мешок с мусором.

– Что ж... – говорит мэр Прентисс, – это хотя бы объясняет таинственное исчезновение моего сына.

Ей-богу, со стороны кажется, что ему *весело*.

Голос мэра звучит еще уверенней и властней, чем в Прентисстауне, а рядом с тишиной, которая расходится от него во все стороны и которую я уже слышал на площади Хейвена, теперь зияет такая же тишина мистера Коллинза.

У них нет Шума.

У обоих.

Единственный Шум в этом зале принадлежит мне – он мычит и визжит, как раненый теленок.

Я выкручиваю шею, пытаюсь разглядеть мэра, но шея затекла и болит, поэтому я вижу только, что сижу в луче пыльного разноцветного света посреди зала. Зал такой огромный, что стены еле-еле виднеются вдалеке.

Постепенно из темноты проступает маленький столик; что на нем лежит, не рассмотреть. Лишь тускло поблескивает металл, и этот блеск, уж поверьте, не сулит ничего хорошего.

– В его мыслях я по-прежнему мэр, – доносится голос. Веселый и беззаботный голос.

– Теперь он *президент* Прентисс, – ворчит мистер Коллинз. – Заруби это себе на носу.

– Что вы с ней сделали? – спрашиваю я, снова пытаюсь обернуться и морщась от боли в шее. – Если вы хоть пальцем ее...

– Ты прибыл в город сегодня утром, – перебивает меня мэр, – и у тебя ничего не было, даже рубашки, только девчонка на руках, с которой произошел несчастный случай...

Мой Шум взрывается.

– Никакой это не несчастный случай!.. – кричу я.

– Ужасный, ужасный несчастный случай, – продолжает мэр. Впервые с тех пор, как мы повстречались на площади Хейвена, в его голосе проскальзывают нотки досады. – Настолько ужасный, что она была при смерти. И вот мальчишка, на поиски которого мы потратили столько сил и времени, который принес нам множество хлопот и неприятностей, *сам* пришел к нам и предложил себя в обмен на *спасение девочки*. Однако, когда мы решили ее спасти, мальчишка принялся отбива...

– Она жива? Она в безопасности?

Мэр умолкает, а мистер Коллинз подходит и бьет меня наотмашь по лицу. Наступает долгая тишина, щека невыносимо горит, и я сижу молча, тяжело дыша.

А потом в кружок света прямо передо мной входит мэр.

Он одет с иголочки, как и раньше, и одежда на нем такая же свежая и чистая, как будто под ней не живой человек, а ходячая глыба льда. Даже у мистера Коллинза на рубашке выступили пятна пота, да и пахнет от него неприятно. Но не от мэра, нет.

Глядя на него, кажешься себе кучей грязи, которую надо поскорей убрать.
Он встает передо мной и заглядывает прямо в глаза.

А потом задает вопрос – беззаботно, словно бы из чистого любопытства:

– Как ее зовут, Тодд?

Я изумленно моргаю:

– Что?

– Как ее зовут?

Не может быть, чтобы он до сих пор не знал ее имени. В моем Шуме наверняка...

– Вы сами знаете, – говорю я.

– Мне нужно, чтобы имя назвал ты.

Я перевожу взгляд на мистера Коллинза, который стоит в сторонке со скрещенными на животе руками. На лице у него написано, что он не прочь отвесить мне еще парочку тумачков, даром что Шума не слышно.

– Повторяю вопрос, Тодд, – непринужденно говорит мэр, – и на сей раз мне бы очень хотелось услышать ответ. Как ее зовут? Девочку с другой планеты.

– Если вы знаете, что она с другой планеты, то вам известно и ее имя.

Тут мэр улыбается – ей-богу, *улыбается*.

И мне страшно, как никогда.

– Нет, Тодд, не пойдет. Все должно быть иначе: я спрашиваю – ты отвечаешь. Без пререканий. Как ее зовут?

– Где она?

– Как ее зовут?

– Скажите мне, где она, и я назову имя.

Мэр вздыхает, как будто я его подвел, и коротко кивает мистеру Коллинзу. Тот подходит и снова бьет меня в живот.

– Это ведь совсем несложно, Тодд, – говорит мэр, пока меня тошнит на ковер. – Тебе нужно только ответить на мой вопрос, и все сразу кончится. Выбор за тобой. Честное слово, я больше не желаю причинять тебе боль.

Я тяжело дышу, согнувшись в три погибели: от боли в животе трудно набрать в легкие достаточно воздуха. Веревки режут запястья, на лице запекается липкая кровь, и я смотрю невидящими глазами в темноту из своей маленькой световой клетки посреди огромной комнаты без окон и дверей...

Комнаты, где я умру.

Комнаты...

Где ее нет.

И внутри меня кто-то принимает решение.

Раз это конец, то я делаю свой выбор.

Не говорить.

– Вы знаете ее имя, – бормочу я. – Убейте меня, если хотите, но ее имя вам известно.

Мэр просто смотрит на меня.

Самая долгая минута в моей жизни проходит под его пытливым взглядом. Он читает мои мысли.

А потом приближается к маленькому деревянному столу.

Я пытаюсь рассмотреть, что он там делает, но ничего не вижу. Мэр Прентисс перекладывает какие-то вещи, я только слышу царапанье металла о дерево.

– *Спасите ее! Я сделаю все, что прикажете!* – Он повторяет мои слова, сказанные на площади. – *Я встану на вашу сторону! Только спасите ее!*

– Я вас не боюсь, – говорю я, хотя мысленно пытаюсь представить, что может лежать на столе. – И умирать не боюсь.

Неужели правда?

Мэр поворачивается ко мне, пряча обе руки за спиной.

– Потому что ты теперь мужчина, Тодд? Потому что настоящий мужчина не боится смерти?

– Да, – киваю я. – Потому что я мужчина.

Мэр приподнимает брови:

– Если не ошибаюсь, до твоего дня рождения осталось еще четырнадцать дней, Тодд.

– Это всего лишь цифра. – Я задыхаюсь, в животе все бултыхается от этих разговоров. – Она ничего не значит! Если бы я жил в Старом свете...

– Но ты живешь в Новом, *мальчик*, – перебивает меня мистер Коллинз.

– Полагаю, он не это имеет в виду, мистер Коллинз, – говорит мэр, не сводя с меня глаз. – Верно, Тодд?

Я перевожу взгляд с одного на другого и обратно.

– Я убил, – выдавливаю я. – Убил, понятно?

– Ну да, убил, – кивает мэр. – Стыд и раскаяние пропитывают твой Шум насквозь. Вопрос лишь в том – кого ты убил? Кого? – Он шагает из светового пятна в темноту, все еще пряча за спиной взятый со стола предмет. – Или лучше сказать *что*?

– Я убил Аарона, – говорю я, пытаюсь не выпустить мэра из виду, но без толку.

– Неужели? – Ужасная тишина мэра совсем не похожа на тишину женщин – у женщин она была живая, с осязаемой формой, вокруг которой дребезжал и лязгал Шум окружающего мира.

(я думаю о ней, о ее тишине, о той боли)

(я не думаю об имени)

А у мэра – уж не знаю, как им с мистером Коллинзом удалось избавиться от Шума, – тишина похожа на что-то безжизненное и мертвое, формы и жизни у нее не больше, чем у камня или стены, – это неприступная крепость. Наверно, он читает мой Шум как книгу, но откуда мне знать... разве можно сказать что-то по человеку, который превратил себя в камень?

На всякий случай я показываю ему то, что он хочет увидеть: церковь за водопадом, драку с Аароном – довольно правдоподобную, с кровью и всяким таким. Я сшибаю Аарона с ног и вытаскиваю нож.

А потом втыкаю его в шею проповедника.

– Правда в этом есть, – говорит мэр. – Но вся ли это правда?

– Да! – кричу я, пытаюсь заблокировать остальные мысли, чтобы мэр больше ничего не услышал. – Так все и было!

Голос у мэра по-прежнему веселый:

– А по-моему, ты врешь, Тодд.

– Нет! – почти кричу я. – Я сделал так, как хотел Аарон! Убил его! Стал мужчиной по вашим законам, теперь я могу быть солдатом армии и вообще что угодно сделаю, только скажите мне, что вы с ней сделали!

Мистер Коллинз замечает какой-то знак, поданный мэром, заносит кулак и...

(ничего не могу поделать)

Я отшатываюсь так резко, что сдвигаю стул на пару дюймов...

(заткнись)

Но удара нет.

– Хорошо, – с тихим удовлетворением говорит мэр, – славно. – Он опять начинает расхаживать у меня за спиной. – Позволь кое-что тебе объяснить, Тодд. Ты находишься в главном зале бывшего Хейвенского собора, который с сегодняшнего дня именуется Президент-

ским дворцом. Я привел тебя в свой дом, надеясь помочь. Помочь увидеть, что все это время ты страшно ошибался и напрасно разжег войну против меня... против нас.

Его голос теперь доносится из-за спины мистера Коллинза...

В какой-то миг мне начинает казаться, что он говорит не вслух, а вкладывает слова прямо мне в голову... Но наваждение быстро проходит.

– Мое войско прибудет завтра к полудню, – сообщает мэр, продолжая вышагивать по залу. – А ты, Тодд Хьюитт, сперва ответишь на мой вопрос, а потом станешь моим помощником в благородном деле – строительстве нового мира...

Мэр снова выходит на свет и встает прямо передо мной. Руки у него все еще спрятаны, и я не вижу предмета.

– Сейчас я хочу, чтобы ты начал сознавать главное, – говорит он. – Что я тебе не враг.

От изумления я на секунду даже перестаю бояться. Не враг? Распахиваю глаза. *Не враг?*

– Нет, Тодд, – кивает мэр. – Я тебе не враг.

– Вы убийца! – не думая, выпаливаю я.

– Я генерал, – отвечает мэр. – Ни больше ни меньше.

– Вы убивали людей. Вы убили жителей Фарбранча, я сам видел.

– Война порой требует от нас жестоких поступков, однако теперь война кончилась.

– Я видел, вы по ним стреляли, – не унимаюсь я.

Как же уверенно звучат слова человека без Шума! Они непоколебимы, точно скала.

– Разве я сам стрелял, Тодд?

Я проглатываю ком в горле.

– Нет, но вы развязали эту войну! – хрипло кричу я.

– Так было нужно, – вздыхает мэр. – Для спасения больной, умирающей планеты.

Мое дыхание учащается, мысли туманятся, голова страшно тяжелеет. Но Шум пылает огнем.

– Вы убили Киллиана.

– И очень сожалею об этом, – говорит мэр. – Из него вышел бы прекрасный солдат.

– Вы убили мою мать! – ору я. И тут мой голос надламывается (заткнись), Шум наполняется яростью и горем, в глазах стоят слезы (заткнись, заткнись, заткнись!). – Вы убили всех женщин Прентисстауна!

– Тодд, неужели ты веришь всему, что тебе говорят? – удивляется мэр.

Наступает тишина, самая настоящая, даже мой Шум на миг унимается, пытаюсь переварить сказанное.

– У меня нет ни малейшего желания убивать женщин, – говорит мэр. – Я ничего подобного не делал.

Я разеваю рот от удивления:

– Еще как делали...

– Сейчас не время для уроков истории...

– Вы *лжец*!

– А ты, стало быть, возомнил себя всезнайкой? – Голос мэра становится холодней, он отходит в сторону, и мистер Коллинз с такой силой бьет меня по голове, что я вместе со стулом лечу на пол.

– Вы ЛЖЕЦ И УБИЙЦА! – ору я. В ушах еще звенит от удара.

Мистер Коллинз бьет меня снова, уже с другой стороны, и кулак у него твердый, как полено.

– Я тебе не враг, Тодд, – повторяет мэр. – Прошу, не вынуждай нас причинять тебе боль.

Голова болит так сильно, что я ничего не говорю. Просто *не могу* говорить. То, что хочет услышать мэр, я никогда не скажу. А за все остальное из меня вышибут дух.

Это конец. Иначе и быть не может. Они не позволят мне жить. И ей не позволят.
Конец.

– Надеюсь, это действительно конец, – говорит мэр. В кои-то веки сказал правду. – Надеюсь, ты все-таки откроешь мне свой секрет, и на этом мы закончим.

А потом он говорит...

Ей-богу, он говорит...

– Пожалуйста.

Я поднимаю голову и часто моргаю опухшими глазами.

На его лице озабоченность, почти *мольба*.

Что за черт? Как это вообще понимать?

И в моей голове опять начинается гудеть...

Только это не Шум...

Пожалуйста – как будто мой собственный голос говорит...

Пожалуйста – как будто это я сам...

Слово давит на меня...

Распирает изнутри...

Такое чувство, что я сам вот-вот скажу...

Пожалуйста...

– Все, что ты якобы знал, – говорит мэр, его голос звучит одновременно снаружи и внутри моей головы. – Все это неправда.

И тут я вспоминаю...

Вспоминаю Бена...

Он говорил мне ровно то же самое...

Бен, которого больше нет...

И мой Шум внезапно твердеет.

Я прогоняю из головы голос мэра.

Мольба тотчас исчезает с его лица.

– Что ж, хорошо. – Мэр хмурится. – Но помни, что это твой выбор. – Он встает. – Как ее зовут?

– Вы знаете, как ее зовут.

Мистер Коллинз снова бьет меня по голове, и я чуть не падаю на пол вместе со стулом.

– Вы уже знаете!

Бац! Опять удар, с другой стороны.

– Как ее зовут?

– Не скажу!

Бац!

– Назови ее имя.

– Нет!

БАЦ!!!

– Как ее зовут, Тодд?

– Пошел ты!

Только я говорю не просто «Пошел ты!», а кое-что покрепче, и мистер Коллинз отвечает мне такого тумака, что я наконец лечу на пол вместе со стулом. Мои руки связаны, поэтому я не могу даже выставить их перед собой и смягчить удар, и в глазах несколько секунд вертится только Новый свет со спутниками.

Я дышу в ковер.

Перед глазами появляются сапоги мэра.

– Я тебе не враг, Тодд Хьюитт, – повторяет он. – Просто назови ее имя, и все закончится.

Я делаю вдох и закашливаюсь.

Делаю еще один и наконец говорю то, что должен:

– Убийца!

Тишина.

– Что ж, так и быть.

Его сапоги исчезают, и мистер Коллинз рывком поднимает мой стул с пола; от давления на тело все мои мышцы ноют. Наконец я снова оказываюсь в кружке разноцветного света. Глаза у меня так опухли, что я почти не вижу мистера Коллинза, хотя он стоит прямо передо мной.

Слышно, как мэр опять встал за столик и передвигает на нем какие-то металлические предметы.

А потом подходит ко мне.

Вот он, мой конец, совсем близко.

Конец.

Прости, думаю я. Прости, прости...

Мэр кладет руку на мое плечо, я пытаюсь ее стряхнуть, но он не отстает и упорно давит на меня. Я не вижу, что мэр держит в другой руке, но он подносит это к моему лицу, и я чувствую: оно твердое, железное и холодное, полное боли и готовое причинить боль мне, готовое отобрать у меня жизнь. Внутри разверзается черная яма, я хочу забраться в нее и спрятаться от всего этого кошмара, глубокая яма... Мне конец, я не смогу отсюда вырваться, он убьет меня, а потом и ее, ничего не поделаешь, у меня больше нет шансов, нет жизни, нет надежды, ничего нет.

Прости.

И тут мэр накладывает мне на лицо компресс.

От внезапной прохлады я охаю и отшатываюсь, но мэр продолжает прижимать компресс к шишке у меня на лбу, к ранам на лице и подбородке. Он так близко, что я чую его запах, чистый древесный аромат его мыла. Дыхание мэра обдает щеку, пальцы почти с нежностью прикасаются к ранам, опухшим глазам, разбитым губам... Компресс начинает действовать в ту же минуту, опухоли сразу спадают, обезболивающее проникает в кровь, и я на миг удивляюсь, какие хорошие в Хейвене компрессы, как они похожи на *ее* чудо-пластырь, и облегчение приходит так быстро, так неожиданно, что у меня спирает горло.

– Ты плохо обо мне думаешь, Тодд, – тихо говорит мэр прямо мне в ухо, накладывая второй компресс на шею. – Я не совершал тех злодейств, в которых ты меня обвиняешь. Я велел своему сыну привести тебя обратно. Я не просил его стрелять – ни в тебя, ни в девочку. И я не просил Аарона тебя убивать.

– Лжец, – хриплю я, но голос мой слаб, а сам я весь дрожу, пытаюсь не подпустить к горлу слезы.

Мэр накладывает компрессы на мою грудь и живот – так нежно, что это невозможно терпеть, так нежно, будто он и впрямь не хочет причинять мне боль.

– А я и не хочу, Тодд, – говорит мэр. – Придет время, и ты в этом убедишься.

Он встает у меня за спиной, накладывает компресс на истерзанные веревками запястья и растирает руки, снимая онемение.

– Придет время, – продолжает мэр, – и ты научишься мне доверять. Возможно, ты даже *полюбишь* меня, Тодд. Когда-нибудь я заменю тебе отца.

От лекарства мой Шум будто бы тает, боль исчезает, а вместе с ней исчезаю я сам... Мэр все-таки убивает меня, но не злом, а лекарством.

Не в силах сдержаться, я плачу, плачу...

– Пожалуйста, – рыдаю я. – Пожалуйста.

Сам не знаю, что я хочу этим сказать.

– Война закончилась, Тодд, – повторяет мэр. – Мы строим новый мир, новый свет. Наша планета наконец-то оправдывает свое название. Верь мне, Тодд. Когда ты увидишь все своими глазами, ты сам захочешь принять участие в нашем общем деле.

Я молча дышу в темноту.

– Ты мог бы стать вожаком, Тодд. Ты мог бы вести за собой людей, ведь ты особенный мальчик.

Я пытаюсь сосредоточиться на своем дыхании, но чувствую, как меня уносит.

– Откуда мне знать? – наконец выдавливаю я. Мой голос – это хрип, размытое пятно, что-то ненастоящее. – Откуда мне знать, что она вообще жива?

– Знать это наверняка ты не можешь, – отвечает мэр. – Остается только верить мне на слово.

Он снова ждет.

– А если я это сделаю... – шепчу я. – Если я вам скажу, вы ее спасете?

– Сделаем все, что нужно, – кивает мэр.

Без боли я вообще не чувствую своего тела. Я кажусь себе призраком, сидящем на стуле.

Будто бы я уже умер.

А если ничего не болит, как понять, что ты жив?

– Мы сами творим свою судьбу, – усмехается мэр. – Ни больше ни меньше. Я бы хотел, чтобы ты принял правильное решение и повиновался мне. Я бы очень этого хотел.

Под компрессами – одна чернота. И больше ничего.

Я один.

Наедине с его голосом.

Я не знаю, что делать.

Я ничего не знаю.

(что мне делать?)

Но если есть хотя бы один шанс, хотя бы *один*...

– Разве это такая уж большая жертва, Тодд? – спрашивает мэр, прислушиваясь к моим мыслям. – Разве новая жизнь ее не стоит?

Нет, нет, я не могу. Он лжец и убийца, нельзя его слушать...

– Я жду.

Ведь она может выжить, он может ее спасти...

– Скоро я спрошу тебя в последний раз, Тодд...

Я поднимаю голову. От этого движения один компресс немного съезжает, и я щурюсь на свет, вглядываясь в лицо мэру.

Оно пустое, как и всегда.

Пустая, безжизненная стена.

Все равно что разговаривать с бездной.

Я сам – как бездна.

Отвожу взгляд. Упираюсь глазами в пол.

– Виола, – бормочу я в ковер. – Ее зовут Виола.

Мэр выпускает протяжный удовлетворенный вздох.

– Вот и славно, Тодд, – произносит он. – Спасибо. – И поворачивается к мистеру Коллинзу: – В башню его.

Часть первая Тодд в башне

1

Прежний мэр

[Тодд]

Мистер Коллинз тычками и пинками гонит меня вверх по узкой винтовой лестнице без окон – все выше, выше и выше. Когда ноги мне почти отказывают, мы подходим к двери. Он открывает ее, заталкивает меня внутрь, а я валюсь на дощатый пол и со стоном перекатываюсь на бок – руки так занемели, что я даже не могу выставить их вперед и смягчить удар.

Открываю глаза и вижу перед собой тридцатиметровую пропасть.

Мистер Коллинз хохочет, наблюдая, как я пытаюсь отползти подальше от края. Я лежу на мостках шириной в досок пять, закрепленных вдоль стен квадратной комнаты. Посреди нее – огромная дыра с болтающимися внизу канатами. Я смотрю вдоль них и вижу гигантскую звонницу, в жизни таких огромных не видал: два колокола висят на одной балке, и в каждом из них, ей-богу, можно было бы жить. В стенах башни прорезаны арки, чтобы звон разносился на всю округу.

Я подскакиваю на месте: мистер Коллинз с грохотом захлопывает дверь и гремит ключом в замке – этот звук не допускает даже мысли о побеге.

Я кое-как встаю и прислоняюсь к стенке, пытаюсь восстановить дыхание.

Закрываю глаза.

Меня зовут Тодд Хьюитт, думаю я. Я сын Киллиана Бойда и Бена Мура. Через четырнадцать дней мой день рождения, но я уже мужчина.

Меня зовут Тодд Хьюитт, и я мужчина.

(мужчина, который выболтал мэру ее имя)

– Прости, – шепчу я, – прости.

Через несколько секунд я все же открываю глаза и оглядываюсь. На уровне глаз в стенах проделаны небольшие прямоугольные отверстия, по три с каждой стороны, сквозь них в комнату падает тусклый пыльный свет.

Я подхожу к ближайшему окошку. Я, как все уже поняли, нахожусь в колокольной башне собора, очень высоко над землей. Прямо передо мной расстилается площадь, где я был только сегодня утром, а кажется, что прошла целая вечность. Спускаются сумерки: значит, я валялся без сознания почти весь день, а за это время с ней могли сделать что угодно, мэр мог...

(заткнись, просто заткнись)

Я осматриваю площадь. Она по-прежнему пуста и безлюдна, на ней царит тишина Бесшумного города, который просто взял и открыл ворота наступающему врагу.

Город, который даже не попытался дать отпор.

Мэр подошел, и они как миленькие вручили ему ключи. *Иногда слухи об армии так же эффективны, как сама армия*, говорил мне мэр, и кто теперь скажет, что он был не прав?

А мы все это время бежали, бежали из последних сил и как можно быстрее, стараясь не думать, каким будет Хейвен и что нас там ждет, но надеясь увидеть рай, надеясь на спасение.

Надежда есть всегда, говорил Бен.

Но он ошибался. Мы попали не в Хейвен.

Мы попали в Нью-Прентисстаун.

Я морщусь – в груди больно щемит – и смотрю на запад через площадь, поверх деревьев и молчаливых домов на водопад, который обрушивает свои воды в долину, и на зигзаг дороги, где я сражался с Дейви Прентиссом, а Виола...

Я разворачиваюсь.

Глаза начинают привыкать к темноте, но в комнате все равно ничего нет, кроме мостков и едва ощутимой вони. Канаты висят посреди дыры, примерно в двух метрах от любого края мостков. Я пытаюсь рассмотреть, крепко ли они привязаны к колоколам – зазвонят ли те в случае чего?.. Я вовсю шурю в дыру: что же там на дне? Но в темноте ничего не разобрать. Может быть, и голый кирпич.

С другой стороны, два метра – не такое уж большое расстояние. Можно запросто допрыгнуть и по канату спуститься вниз.

Но потом...

– Умно, ничего не скажешь, – доносится голос из дальнего угла комнаты.

Я отшатываюсь, вскидываю кулаки, мой Шум весь ошестинивается. Из темноты встает человек – еще один мужчина без Шума.

Вот только...

– Если ты попробуешь съехать вниз по канатам, которые так маняще болтаются прямо у нас под носом, об этом узнает каждый житель города.

– Вы кто? – В животе все бултыхается от страха, но кулаков я не разжимаю.

– Ну точно. Я сразу понял, что ты не из Хейвена.

Мужчина подходит ближе, и свет выхватывает из темноты его лицо. Я вижу синяк под глазом и разбитую губу. Компрессов на него решили не переводить.

– Я и забыл, какой он громкий... Странно, – бормочет человек себе под нос.

Он невысокого роста, ниже меня, и куда толще, немного старше Бена, но гораздо слабее и мягче. Он весь мягкий, даже лицо какое-то мягкое... Если понадобится, я запросто его побью.

– Это ты верно подметил, – усмехается мужчина.

– Кто вы? – повторяю я.

– Кто я? – тихо повторяет мужчина, а потом повышает голос и с достоинством произносит: – Перед тобой Кон Леджер, мальчик. Мэр Хейвена. – Он задумчиво улыбается. – Но не Нью-Прентисстауна. – Глядя на меня, он слегка качает головой. – Мы давали лекарство даже беженцам, когда они повалили в наш город.

А потом я вижу, что его улыбка – никакая не улыбка. Он *морищится*.

– Святой боже, мальчик мой! – восклицает мэр Хейвена. – Какой же ты *шумный*!

– Я не мальчик, – огрызаюсь я, все еще держа кулаки наготове.

– Совершенно не представляю, какое это может иметь значение, – улыбается мэр Леджер.

Мне хочется сказать ему десять миллионов самых разных вещей, но любопытство берет верх.

– Так, значит, вы действительно изобрели лекарство? От Шума?

– О да, – говорит мэр Леджер, снова морщась, как будто пробует какую-то гадость. – Это растение местной флоры с естественным нейрохимическим действием... Мы смешали его экстракт с рядом синтетических веществ – и получилось! В Новом свете наконец воцарилась тишина.

– Не во *всем* Новом свете.

– Это да, – кивает мэр Леджер, поворачиваясь к одному из прямоугольных окошек в стене. Руки у него сцеплены за спиной. – Приготовление лекарства – весьма трудоемкий процесс. И очень долгий. Окончательный вариант удалось синтезировать только в прошлом году, и на это ушло двадцать лет. Однако мы уже изготовили достаточно лекарства для своих нужд и хотели начать производство на экспорт, но...

Он умолкает, решительно глядя на расстилающийся внизу город.

– Вы сдались врагу, – говорю я. Мой алый Шум рвет и мечет. – Как последние трусы.

Мэр Леджер оборачивается, улыбка-гримаса бесследно исчезла с его лица.

– И почему же, интересно, меня должно волновать мнение какого-то мальчишки?

– Я не мальчишка, – цежу я сквозь зубы, – и неужели кулаки у меня до сих пор стиснуты? О да, еще как.

– Разумеется, мальчишка, – отвечает мэр Леджер. – Ведь *мужчина* знает, что перед лицом смерти люди порой вынуждены принимать не самые популярные решения.

Я сощуриваюсь:

– О смерти я знаю не меньше вашего, нечего меня поучать.

Мэр Леджер удивленно моргает, читая мой Шум и замечая в нем ослепительные вспышки. В следующий миг он вешает голову и опускает плечи.

– Прости меня, – говорит мэр Леджер. – Я вообще-то не такой. – Он кладет руку на лицо и растирает его, морщась от прикосновений к синяку под глазом. – Вчера я был добрым и милостивым мэром чудесного города. – Он словно смеется над какой-то шуткой, понятной только ему. – Но это было вчера.

– Сколько жителей в Хейвене? – спрашиваю я, не давая ему закрыть тему.

Мэр Леджер поднимает голову:

– Малыш...

– Меня зовут Тодд Хьюитт, – говорю я. – Можете называть меня мистер Хьюитт.

– Он обещал нам новую жизнь...

– Даже я знаю, что он всегда врет. Сколько здесь человек?

Мэр Леджер вздыхает:

– Включая беженцев, три тысячи триста.

– Армия Прентисстауна вдвое меньше, – говорю я. – Вы могли победить.

– В основном это женщины и дети. Простые фермеры. – В других городах женщины и дети тоже сражались.

Женщины и дети *умирали*.

Мэр Леджер подходит ближе, его лицо искажено гневом.

– Да, а женщины и дети *этого* города умирать не будут! Потому что я заключил с Прентиссом мир!

– Хорош мир! Этот мир вам лицо разукрасил и губу разбил.

Мэр Леджер смотрит на меня еще секунду, а потом обреченно фыркает:

– Слова мудреца из уст деревенщины. – И отворачивается к окошку.

Тут я замечаю какой-то низкий гул.

Вопросительные знаки наполняют мой Шум, и не успеваю я раскрыть рот, как мэр – да, мэр, *прежний* мэр, – отвечает:

– Верно, ты слышишь меня.

– Вас? Но как же лекарство?

– А ты бы стал лечить поверженного врага?

Я облизываю губы.

– Так он возвращается? Шум? – спрашиваю я.

– О да! – Мэр Леджер снова поворачивается ко мне. – Если не принимать лекарство ежедневно, он очень скоро вернется.

Он отходит в свой угол и медленно садится.

– Обращаю твое внимание, что туалета здесь нет, – смеется он. – Примите наши извинения за неудобства...

Я смотрю на него, и мой Шум по-прежнему красный, разгневанный и полон вопросов.

– Это ведь ты, правильно я понимаю? – спрашивает мэр Леджер. – Ради *тебя* всех городских жителей разогнали по домам, чтобы новый президент мог встретить тебя верхом на коне?

Я не отвечаю, зато мой Шум все выдает.

– И кто же ты, Тодд Хьюитт? – спрашивает мэр Леджер. – Почему ты такой особенный?

А вот это, думаю я, очень хороший вопрос.

Ночь наступает быстро и как-то сразу. Мэр Леджер с каждой минутой говорит все меньше, а дергается все больше и наконец, не выдержав, начинает расхаживать туда-сюда по мосткам. Все это время его гул становится громче, так что в итоге, даже если бы мы захотели поговорить, нам бы пришлось кричать.

Я стою у стены и смотрю, как на небе появляются первые звезды и долину накрывает ночь.

Я думаю и одновременно стараюсь не думать, потому что от мыслей все нутро скручивается, горло сдавливает и меня начинает тошнить. Или того хуже: на глаза наворачиваются слезы, а потом уж тошнит.

Потому что она где-то там.

(*пожалуйста* будь там)

(*пожалуйста* пусть с тобой все будет хорошо)

(*пожалуйста*)

– Тебе обязательно все время так *шуметь*? – взрывается мэр Леджер. Я поворачиваюсь к нему и уже хочу сказать что-нибудь резкое в ответ, когда он вздыхает и извиняется. – Я не такой... – он опять начинает теревать свои пальцы, – неприятно, когда тебя так внезапно лишают лекарства.

Я снова смотрю на Нью-Прентисстаун: в домах начинают загораться огни. За весь день я не увидел на улицах ни единой живой души, все сидят по домам – наверное, это приказ мэра.

– Значит, и там сейчас то же происходит? Со всеми?

– Что ты, у жителей есть личные запасы, – отвечает мэр Леджер. – Правда, рано или поздно Прентисс все заграбастает.

– Да уж, когда придет армия, это не составит ему никакого труда.

Луны начинают свой неспешный путь по небосводу. В их ярком свете можно разглядеть весь Нью-Прентисстаун, и я вижу блестящую реку, пронзающую город насквозь, а дальше – пустые поля, за которыми поднимаются отвесные скалистые утесы: северная стена долины. Река и дорога уходят дальше на восток, к неизведанным горам и долам, а город постепенно сходит на нет. На юг устремляется другая дорога, почти не мощенная; она вьется между зданий и домов, потом скрывается в лесу и, наконец, поднимается на высокий холм с раздвоенной вершущкой.

Вот и весь Нью-Прентисстаун.

Приют для трех тысяч трехсот людей, которые попрятались по домам и сидят тихо как мышки. Слово их и нет вовсе.

Ни один не отважился поднять руку, чтобы попытаться спастись от наступающего врага. Они понадеялись, что чудовище их не сожрет, если они будут смиренными и покорными.

Вот куда мы бежали столько дней...

Я замечаю на площади какое-то движение, мелькнувшую тень, но это лишь собака.
Домой, домой, домой, разбираю я едва слышный Шум. **Домой, домой, домой**.

Собакам неведомы людские заботы.

Собаки могут быть довольны жизнью даже в самые скверные времена.

Минуту я пытаюсь восстановить дыхание, проглотить слезы и ком в горле.

Не думать о своем псе.

А когда я снова поднимаю глаза, то вижу вовсе не собаку.

Он едва держит голову и идет через площадь рядом со своей лошадью, копыта цокают по мостовой, а когда он подходит ближе, даже сквозь громоподобный гул, исходящий от мэра Леджера, – не знаю, как я сегодня буду спать, – я различаю *это*.

Шум.

В тишине затаившегося города разносится его Шум.

И он, несомненно, слышит мой.

Тодд Хьюитт? – думает он.

Чувствую: его лицо расплзается в улыбке.

Я тут нашел одну вещицу, Тодд, громко думает он, поднимая голову к башне. **Твою вещицу**.

Я ничего не говорю. И ни о чем не думаю.

Молча смотрю, как он тянется за спину, достает что-то и протягивает вверх.

Даже отсюда, даже при свете лун, я понимаю, что это.

Дневник моей ма.

У Дейви Прентисса дневник моей ма.

2 Нога на шее

[Тодд]

Н аступило следующее утро, и у подножия колокольной башни быстро и шумно возвели дощатую сцену с микрофоном. Постепенно к ней подтягиваются мужчины Нью-Прентисстауна.

– Что происходит? – спрашиваю я, выглядывая наружу. – А ты как думаешь? – говорит мэр Леджер, сидя в своем темном углу и растирая виски. Его раскаленный металлический Шум **визжит**, точно бензопила. – Будут знакомиться с новым вожаком.

Мужчины почти ничего не говорят, лица у них бледные и мрачные, но мыслей, конечно, не угадаешь – без Шума-то! Впрочем, выглядят они опрятнее, чем жители моего родного города: волосы подстрижены, подбородки гладко выбриты, да и одежда получше. Многие из них круглы и румяны, как мэр Леджер.

Хейвен, видать, был славным местечком. Людям тут не приходилось гнуть спины каждый день, чтобы выжить. Может, это их и размягчило.

Мэр Леджер фыркает, услышав мои мысли, но ничего не говорит.

По периметру площади выстраиваются люди мэра Прентисса с винтовками наперевес – они будут поддерживать порядок. Я вижу мистера Тейта, мистера Моргана и мистера О'Хару – мужчин, с которыми я рос, которых видел каждый день и считал простыми фермерами. Пока они не стали кое-кем другим.

Дейви Прентисса нигде не видно, и мой Шум при мысли о нем опять начинает kloкoтaть.

Видимо, придя в себя, он спустился в долину той же дорогой и случайно нашел по пути мой рюкзак. Внутри оказались только тряпки и книжка.

Дневник моей ма.

Слова, которые она писала специально для меня.

Писала, когда я родился. Перед самой смертью.

Перед тем, как ее убили.

Мой ненаглядный сын... клянусь, ты своими глазами увидишь, как жизнь в нашем мире наладится.

Эти слова читала мне Виола, потому что я сам не мог...

А теперь они у *гаденьиша Дейви Прентисса*...

– Очень тебя прошу, – цедит мэр Леджер сквозь стиснутые зубы, – будь так любезен, хотя бы попытайся...

Он умолкает и виновато глядит на меня.

– Прости, – повторяет он уже в миллионный раз после того, как мистер Коллинз принес нам завтрак.

Не успев и слова вымолвить, я внезапно ощущаю ужасную боль в сердце, такую невыносимую печаль, что от неожиданности охаю.

И снова смотрю в окно.

На площадь выходят женщины Нью-Прентисстауна.

Они идут группками, держась на расстоянии от мужчин – ближе не пускают конники мэра Прентисса.

Я чувствую их тишину так же ясно, как не чувствую Шума мужчин. Она похожа на огромную боль утраты, и группки женщин на дороге – словно островки невыразимой печали в общем мирском шуме. Я вытираю глаза и прижимаюсь к стенке, пытаюсь рассмотреть каждую из идущих.

Пытаясь увидеть ее.

Но ее там нет.

Ее нет.

Женщины похожи на мужчин: большинство одеты в рабочие брюки и рубашки разного фасона, на некоторых длинные юбки, почти все выглядят опрятными и сытыми. Прически у всех разные: короткие и длинные стрижки, косы, хвосты, а блондинок среди них куда меньше, чем я видел в Шуме прентисстаунцев.

А еще многие из них шагают по улице со скрещенными на груди руками... и с подозрением на лице.

Гнева на этих лицах намного больше, чем на мужских.

– Хоть кто-нибудь пытался вам возражать? – спрашиваю я мэра Леджера. – Хоть один человек?

– У нас демократия, Тодд, – вздыхает он. – Ты знаешь, что это значит?

– Понятия не имею, – отвечаю я, все еще глядя вниз и не находя искомого.

– Это значит, что к мнению меньшинства прислушиваются, – поясняет мэр, – но решает все мнение большинства.

Я смотрю на него:

– То есть все эти люди захотели сдать?

– Президент сделал *предложение* Городскому совету, членов которого избрал народ, – говорит мэр Леджер, трогая разбитую губу, – что город останется невредим, если мы сдадимся.

– И вы поверили?

Глаза мэра Леджера вспыхивают.

– Ты или забыл, или не знаешь, что одна кровопролитная война на этом свете уже была. Война, которая должна была положить конец *всем* войнам. И если можно как-то избежать повторения тех событий...

– Тогда вы как миленькие сдадитесь на растерзание убийце.

Мэр Леджер снова вздыхает:

– Большинство членов Совета, включая меня, решили, что так нам удастся сохранить больше жизней. – Он опирается головой о кирпичную стенку. – Наш мир не совсем черно-белый, Тодд. Верней, совсем не черно-белый.

– Но что, если...

Лязгает дверной замок, и к нам заходит мистер Коллинз с пистолетом в руке.

Он опускает глаза на мэра Леджера:

– Подымайся.

Я недоуменно смотрю то на него, то на мэра:

– Что происходит?!

Мэр Леджер медленно встает.

– Похоже, пришел мой час, Тодд, – говорит он с напускной беззаботностью, но я слышу страх в его **гуле**. – Это был прекрасный город, – говорит он мне. – А я был хорошим человеком. Прощу тебя, помни об этом.

– Да о чем вы? – не понимаю я.

Мистер Коллинз берет его за руку и выталкивает за дверь.

– Эй! – ору я им вслед. – Куда вы его ведете?

Мистер Коллинз заносит кулак, чтобы ударить меня...

И я отшатываюсь.

(заткнись)

Он хохочет и запирает дверь.

Лязгает замок.

И я остаюсь один в башне.

А когда гул мэра Леджера потихоньку утихает, я начинаю различать...

Марш, марш, марш – из далекой дали.

Подхожу к окошку.

Это они.

Армия завоевателей входит в Хейвен.

Они спускаются по зигзагу дороги, будто черная река – пыльный и грязный поток, провавший плотину. Они идут по четыре-пять человек в ряд, и первый такой ряд скрывается в зарослях у подножия холма, когда последний появляется на его вершине. За ними наблюдает толпа на городской площади: мужчины отворачиваются от помоста и смотрят на холм, женщины выглядывают из переулков.

Марш, марш, марш становится громче, эхом разносится по улицам города. Будто тиканье огромных часов.

Толпа ждет. Я жду вместе с ними.

И вот между деревьев, у поворота дороги...

Появляются они.

Армия.

Первым идем мистер Хаммар.

Мистер Хаммар, который жил на заправке, мистер Хам-мар, который думал о всяких гнусностях, мистер Хаммар, который стрелял по бегущим жителям Фарбранча.

Мистер Хаммар ведет за собой армию.

Я уже слышу его: он выкрикивает слова военного марша, чтобы остальные не сбивались с ритма. «Нога!» – вопит он снова и снова.

Нога!

Нога!

Нога на шее!

Солдаты входят на площадь и идут вдоль одного ее бока, оттесняя в сторону мужчин и женщин Хейвена. Мистер Хаммар проходит довольно близко к башне, и я вижу на его лице хорошо знакомую улыбку – улыбку, которая бьет, которая терзает, которая властвует.

И чем ближе он подходит, тем ясней я сознаю.

Эта улыбка без Шума.

Кто-то выехал из города навстречу армии. Кто-то с большим запасом лекарства. Армия не издает ни звука, если не считать марша и топота.

Нога, нога, нога на шее!

Они идут вдоль площади к помосту. Мистер Хаммар останавливается на углу и начинает строить солдат за помостом: они встают спиной ко мне, лицом к собравшимся на площади горожанам.

Я начинаю понемногу узнавать солдат. Вот мистер Уоллас. Мистер Смит-младший. Мистер Фелпс, хозяин лавки. Люди Прентисстауна и бесчисленное множество других.

Армия «шла и росла».

Я вижу Ивана, с которым работал в Фарбранче и который по секрету рассказал мне о сторонниках мэра Прентисса. Он стоит во главе одного из строев, и наглядные доказательства его слов стоят за ним с винтовками наготове.

Наконец последний солдат входит на площадь и останавливается под последнее слово марша.

Нога на шее!

Наступает полная тишина, обдувающая Нью-Прентис-стаун, точно ветер.

Где-то подо мной раскрываются ворота собора.

И на помост выходит мэр Прентисс. Он хочет говорить со своим новым городом.

– Сейчас, – чеканит он в микрофон, отсалютовав мистеру Хаммару и поднявшись по ступеням на помост, – вы все напуганы.

Мужчины города тихо смотрят на него.

Женщины в переулках тоже молчат.

Армия стоит начеку, готовая ко всему.

Даже я, оказывается, затаил дыхание.

– Сейчас вы думаете, что вас завоевали, что надежды нет. Вы думаете, что обречены.

Мэр Прентисс стоит спиной ко мне, но благодаря динамикам, спрятанным по четырем углам площади, его голос гремит над городом, а может, и над всей долиной и за ее пределами. Потому что здесь собрались все, кто может его услышать. Каждый житель Нового света теперь либо здесь, либо под землей.

Мэр Прентисс обращается к планете.

– И вы правы, – говорит он. Честное слово, я слышу его улыбку. – Вас завоевали. Вас победили. Вы обречены.

Его слова несколько секунд висят в воздухе. Мой Шум вскидывается, и несколько человек на площади поднимают головы к башне. Я пытаюсь утихомирить свои мысли, но кто эти люди? Кто эти чистенькие, сытые, довольные жизнью люди, так легко сдавшиеся врагу?

– Но завоевал вас не я, – продолжает мэр Прентисс. – Не я побил вас и не я поработил.

Он умолкает и окидывает взглядом толпу. На нем белая одежда, белая шляпа, белые сапоги, а поскольку и помост накрыт белой тканью, в ярких солнечных лучах смотреть на него почти больно.

– Вы – рабы собственной лени, – говорит мэр Прентисс. – Вы пали жертвами собственной беспечности и мягкотелости. Вас *погубят*... – на этом слове он резко повышает голос, так что половина собравшихся на площади подсакивают на месте, – ваши собственные благие намерения! – К этому времени мэр Прентисс расходится не на шутку и тяжело дышит в микрофон. – Вы слабы и беспомощны перед невзгодами этого мира, всего за одно поколение вы превратились в людей, которые легко сдаются даже не врагу, а *СЛУХАМ* о враге!

Он начинает рассказывать по помосту с микрофоном в руке. Каждый напуганный человек в толпе, каждый солдат – до единого – неотрывно следит за его движениями.

Я тоже.

Мэр Прентисс продолжает рассказывать, постепенно повышая голос:

– Так что теперь вы знаете, что я сделал. Я просто протянул руку и взял. Отобрал у вас свободу, город, будущее. – Он смеется, как будто не может поверить своему везению. – Я-то готовился к войне.

Некоторые из собравшихся смотрят себе под ноги, пряча глаза от остальных.

Интересно, им стыдно? Очень надеюсь, что да.

– Но вместо войны меня встретили переговорами. Которые начались со слов: «Умоляем, не делайте нам больно» и «Пожалуйста, берите что хотите».

Внезапно мэр останавливается посреди помоста.

– А я ждал ВОЙНЫ! – снова кричит он, потрясая кулаком.

И все вздрагивают.

Если толпа вообще может вздрогнуть, она вздрагивает – именно так это выглядит сверху.

Что делают женщины, мне не видно.

– Но раз войны я не получил, – беззаботно продолжает мэр Прентисс, – теперь вы за это ответите.

Я слышу, как открываются двери собора. Мистер Коллинз тычками ведет на помост мэра Леджера со связанными за спиной руками.

Мэр Прентисс, скрестив руки на груди, молча наблюдает за ними. Наконец в толпе мужчин поднимается ропот, среди женщин – громкое недовольное бормотание, и конники начинают размахивать винтовками, чтобы уgomонить людей. Мэр Прентисс даже ухом не поводит, словно и не замечает этих звуков. Он просто смотрит, как мистер Коллинз заводит мэра Леджера на помост.

На верхней ступеньке мэр Леджер останавливается и окидывает взглядом толпу. Люди молча смотрят на него, кто-то морщится от оглушительного гула его Шума, в котором начинают проступать первые слова и картинки. Все они пропитаны страхом. Вот мистер Коллинз подбивает ему глаз и расквашивает губу, вот мэр сдается, вот его запирают в башне.

– На колени, – говорит мэр Прентисс.

И хотя он произносит это очень тихо, без микрофона, слово это колокольным звоном гремит у меня в голове. Судя по изумленному оху толпы, в остальных головах тоже.

Внезапно, не успев даже сообразить, что к чему, мэр Леджер падает на колени. На его лице написано искреннее удивление.

На него смотрит весь город.

Мэр Прентисс выжидает одну секунду.

А затем подходит ближе.

И достает нож.

Огромный смертоносный клинок, сверкающий на солнце.

Мэр Прентисс заносит его над головой.

И медленно поворачивается на месте, чтобы все увидели, что сейчас будет.

Чтобы все увидели *нож*. На секунду мое сердце уходит в пятки, да ведь это же... Нет, нет, не мой.

А потом кто-то кричит:

– Убийца!

Единственный голос взлетает над тишиной. Женский голос. Мое сердце уходит в пятки... Но нет, это не она.

И все-таки хоть кто-то осмелился, хоть один человек...

Мэр Прентисс спокойно подходит к микрофону.

– С вами говорит победитель, – почти вежливо произносит он, словно и не слышал крика той женщины. – Ваши главари будут казнены – это неизбежное следствие поражения.

Он поворачивается к стоящему на коленях мэру Леджеру. Тот пытается напустить на себя невозмутимый вид, но все на площади слышат, как он не хочет умирать, какие детские желания и страхи его посещают, как громко брызжет из него вернувшийся Шум.

– Сейчас вы узнаете, – говорит мэр Прентисс, поворачиваясь обратно к толпе, – что за человек ваш новый президент. И что ему от вас нужно.

Тишина, по-прежнему тишина, если не считать жалкого мяуканья мэра Леджера.

Мэр Прентисс подходит к нему, нож сверкает на солнце. В толпе снова поднимается ропот: до всех доходит, что сейчас произойдет. Мэр Прентисс встает позади мэра Леджера и воздевает нож к небу. Он смотрит на толпу, толпа смотрит на него, лица застыли в ожидании, люди слушают бывшего мэра, который пытается, но не может обуздать свой Шум.

– СМОТРИТЕ! – орет мэр Прентисс. – ВОТ ВАШЕ БУДУЩЕЕ!

Он заносит нож, словно хочет еще раз крикнуть: «Смотрите!»

Ропот становится громче...

Мэр Прентисс заносит нож...

Голос, женский голос, может тот же самый, кричит:

– Нет!

И я внезапно понимаю, что сейчас случится.

В том зале, когда я сидел привязанным к стулу, он довел меня до отчаяния, подвел к самому краю смерти, заставил бояться ее, а потом...

Исцелил мои раны.

Тогда-то я и сделал, что он хотел.

Нож со свистом пронзает воздух, и разрезанная веревка падает с рук мэра Леджера на помост.

Весь город охает. Нет, вся *планета*.

Секунду мэр Прентисс выжидает, потом тихо, без микрофона, говорит:

– Вот ваше будущее.

Но слова эти опять звенят прямо в голове. Он прячет нож за спину и возвращается к микрофону.

И начинает исцелять раны толпы.

– Я не тот, за кого вы меня принимаете, – говорит он. – Я не тиран и пришел не с тем, чтобы истребить вас. Я не безумец, который уничтожит собственную надежду на спасение. Я НЕ... – он смотрит на мэра Леджера, – ваш палач...

Толпа так затихла – и мужчины, и женщины, – что площадь кажется пустой.

– Война кончилась, – продолжает мэр Прентисс. – Ей на смену пришла новая жизнь.

Он показывает пальцем на небо. Все с опаской смотрят вверх, словно оттуда может что-то упасть.

– Возможно, до вас уже дошел слух о новых переселенцах...

У меня сжимается нутро.

– Говорю вам как президент, – продолжает мэр Прентисс, – это истинная правда.

Откуда он знает? Черт, *откуда?*

В толпе снова поднимается ропот от этой вести. Мэр не призывает людей к тишине, только радостно перекрикивает:

– Мы встретим их с распростертыми объятиями! Мы создадим новое общество, которое с гордостью встретит новых жителей нового Эдема! – Он опять повышает голос: – Мы покажем им, что воистину оставили Старый свет позади и обрели РАЙ!!!

Опять разговоры в толпе со всех сторон.

– Лекарство я у вас заберу, – говорит мэр.

Боже, вот тут-то ропот замолкает.

Мэр Прентисс позволяет тишине утвердиться окончательно и добавляет:

– На время.

Мужчины переглядываются между собой и снова поднимают глаза на мэра Прентисса.

– Мы стоим на пороге новой эры, – говорит тот. – Вы должны заслужить мое доверие, а для этого вместе со мной будете строить новое общество. Когда мы его построим, когда мы вместе начнем преодолевать трудности и праздновать первые успехи, тогда вы заслужите право вновь называться мужчинами. А значит, получите право и на лекарство. В этот славный день все мужчины воистину станут братьями!

На женщин мэр Прентисс и не смотрит. Мужчины тоже. Женщинам ведь лекарство ни к чему, и добиваться его не нужно, так?

– Да, будет нелегко, – продолжает мэр Прентисс, – я не хочу вас обманывать и обнадеживать. Но это благодарный труд. – Он обводит рукой армию. – Мои заместители уже начали организовывать вас. Вы и дальше будете следовать их указаниям, но поверьте, никто не хочет обременять вас сверх меры. Скоро вы увидите, что я – не завоеватель. Я не желаю

вам зла. – Он вновь умолкает. – Я вам не враг... – мэр Прентисс в последний раз поворачивается к толпе мужчин, – я ваш спаситель.

И хоть у них нет Шума, я вижу по лицам, как в них просыпается надежда: вдруг он говорит правду, вдруг все наладится, вдруг, несмотря на все ужасы, они обретут свободу?

Вот уж нет, думаю я. Даже не мечтайте.

Не успевает толпа разойтись, как дверной замок опять лязгает.

– Добрый вечер, Тодд, – говорит мэр Прентисс, входя в мою тюрьму и морщась от вони. – Понравилась моя речь?

– Откуда вы узнали про переселенцев? – спрашиваю я. – Вы разговаривали с ней? Как она?

Мэр Прентисс не отвечает, но и не бьет меня, а просто с улыбкой говорит:

– Всеу свое время, Тодд.

По ступенькам за дверью поднимается Шум. **Жив! Я жив!** слышу я. **Жив, жив, жив, жив!**

Мистер Коллинз заталкивает в комнату мэра Леджера.

И вытягивается по струнке, заведя начальника.

– Новую постель получите завтра, – говорит мэр Прентисс, все еще глядя на меня. – И удобства тоже.

Мэр Леджер раскрывает рот, но заговорить получается не с первой попытки.

– Господин Президент...

– Завтра же начнете работать, – перебивает его мэр Прентисс, будто и не слыша.

– *Работать?* – удивляюсь я.

– Ну да, все должны трудиться, Тодд, – говорит мэр Прентисс. – Труд – это прямой путь к свободе. Я тоже буду работать... и мэр Леджер.

– Правда? – спрашивает тот.

– Но мы же в тюрьме, – говорю я.

Мэр Прентисс снова улыбается – еще веселей, чем прежде.

Интересно, какую гадость он задумал?

– Выпись хорошенько, – говорит мэр Прентисс, делая шаг к двери и глядя мне прямо в глаза. – Рано утром за тобой придет мой сын.

3

Новая жизнь

[Тодд]

Выясняется, что утром моим главным поводом для беспокойства становится вовсе не Дейви Прентисс. Я на него и не смотрю.

Это лошадь.

Жеребенок, говорит она, переминаясь с ноги на ногу и глядя на меня блестящими безумными глазами, как будто хочет хорошенько потоптать.

– Я ничего не смыслю в лошадях, – говорю я.

– Эта кобылка из моего личного стада, – говорит мэр Прентисс поверх Шума его собственного коня, Морпета. – Зовут ее Ангарад, она очень славная и добрая лошадь.

Морпет смотрит на мою конягу, и в его Шуме читается только одно слово: **сдавайся, сдавайся, сдавайся**. От этого кобыла нервничает еще сильнее. Ну и животное мне дали, ничего не скажешь. Как ездить-то на эдаком клубке страхов?

– Что такое? – ухмыляется Дейви Прентисс, сидящий верхом на норовистом коне. – Боишься?

– Что такое? – передразниваю его я. – Папочка до сих пор не угостил тебя лекарством? Его Шум тут же вскидывается.

– Ах ты, маленький...

– Тише, тише, – осаживает его мэр Прентисс. – И десяти слов друг другу не сказали, а уже поцапались.

– Он первый начал, – оправдывается Дейви.

– Держу пари, он и закончит. – Мэр Прентисс многозначительно смотрит на меня, вглядываясь в алый растревоженный Шум, полный красных вопросительных знаков о Виоле и желания надрать задницу Дейви Прентиссу. – Поехали, Тодд, – говорит он, беря поводья своего коня. – Готов стать вожакom?..

– Разделение очень простое, – говорит мэр Прентисс, пока мы скачем рысью сквозь раннее утро – куда быстрее, чем мне бы хотелось. – Мужчины будут жить в западном конце долины, перед собором, а женщины – позади него, в восточной части.

Мы скачем на восток по главной улице Нью-Прентис-стауна – той, что начинается с зигзага у водопада, пересекает городскую площадь, огибает собор и теперь устремляется в долину. По переулкам маршируют небольшие взводы солдат да шныряют туда-сюда нью-прентисстаунские мужчины – кто с чемоданами, кто с тюками.

– Что-то я женщин не вижу, – говорит Дейви.

– Ни *единой* женщины, – поправляет его отец. – Все верно, капитан Морган и капитан Тейт перевезли всех женщин еще минувшей ночью.

– Что вы с ними сделаете? – спрашиваю я, так крепко цепляясь за луку седла, что пальцы белеют.

Мэр Прентисс смотрит на меня:

– Ничего, Тодд. Их окружают заботой и почтением, какие подобают строителям нового мира. Ведь они внесут огромный вклад в будущее этого города. – Он отворачивается. – Но пока им лучше пожить отдельно.

– Правильно, пусть стервы знают свое место, – хмыкает Дейви.

– Я не разрешаю тебе выражаться в моем присутствии, Дэвид, – спокойным, но серьезным тоном произносит мэр Прентисс. – Женщины заслуживают уважения и всех возможных благ. Но по сути ты прав. У каждого из нас есть место. Мужчины Нового света забыли свое, и поэтому на какое-то время я отделию их от женщин, чтобы все горожане вспомнили свою роль и предназначение... – Тут он оживляется. – Люди это оценят. Раньше они жили в хаосе, а я дам им порядок я полнейшую ясность.

– Виола с остальными женщинами? Как она? – спрашиваю я.

Мэр Прентисс снова смотрит на меня:

– Ты обещал, Тодд Хьюитт. Или тебе напомнить? *Только спасите ее, и я сделаю что угодно.* Именно так ты и сказал, слово в слово.

Я беспокоюсь облизываю губы:

– Откуда мне знать, что вы выполните свою часть уговора?

– Ниоткуда, – отвечает мэр Прентисс, буравя меня взглядом – кажется, эти глаза могут разглядеть во мне любую ложь, даже самую ничтожную. – Я хочу, чтобы ты верил мне, Тодд. А какая же это вера, если ей нужны доказательства?

Он снова переводит взгляд на дорогу, а Дейви мерзко хихикает у меня под боком, так что мне остается только разговаривать со своей лошадей. У нее темно-коричневая шкура и белая полоска на носу, а грива так безупречно вычесана, что и трогать-то страшно. **Жеребенок**, думает она про меня.

Она, думаю я. Она. И тут мне приходит на ум вопрос, который раньше как-то не приходил. У овец на нашей ферме в Прентисстауне тоже был Шум, но ведь у женщин его нет, так почему...

– Потому что женщины не животные, Тодд, – отвечает мэр Прентисс, прочитав мои мысли. – Как бы плохо ты обо мне не думал! Они бесшумны от природы. – И уже тише добавляет: – Что делает их особенными.

Вдоль дороги, по которой мы сейчас едем, стоят в основном лавки и магазинчики, перемежаемые зелеными деревьями. Почти все лавки закрыты, и неизвестно, когда откроются. Дома тянутся от переулков к реке слева и холмам справа. Большинство зданий, если не все, стоят поодаль друг от друга – видно, только так и можно жить в большом городе, когда лекарство от Шума еще не найдено.

Мы проезжаем мимо солдат, марширующих по пять – десять человек в ряд, и мимо мужчин, бредущих с вещами на запад. Женщин по-прежнему нигде нет. Я вглядываюсь в лица прохожих, и большинство из них смиренно смотрят себе под ноги: где уж там биться за свободу?..

– Вперед, девочка, – шепчу я лошади. Оказывается, ездить верхом очень неприятно для кое-каких частей тела...

– Ну надо же! – усмехается Дейви, нагоняя меня. – Не успел сесть в седло, а уже ноешь!

– Заткнись, Дейви.

– Вы должны называть друг друга мистер Хьюитт и мистер Прентисс-младший, – оглядываясь, кричит нам мэр Прентисс.

– *Что?* – Шум Дейви вскидывается. – Да он даже не мужчина! Ему только...

Отец одним взглядом заставляет его замолчать.

– На рассвете в реке нашли тело, – говорит он. – Тело со страшными ранами и огромным ножом в шее. Смерть наступила не позже чем два дня назад.

Мэр Прентисс снова буравит взглядом мой Шум. Я вызываю в уме картинку, которые он хочет увидеть, и представляю, как убивал Аарона. Вот такая штука этот Шум – в нем любые твои мысли, а не только правда. Если усердно думать, будто ты что-то сделал, остальные тоже так подумают.

Дейви фыркает:

– Ты убил проповедника Аарона?! Ни за что не поверю.

Мэр Прентисс молча прищипривает Морпета. Дейви хихикает и пускается вдогонку за отцом.

За мной, храпит Морпет.

За тобой, ржет в ответ конь Дейви.

За тобой, думает моя кобыла, тоже прибавляя шагу. Прямо скажем, легче мне от этого не становится.

Но я все высматриваю...

(вдруг ей удалось сбежать?..)

(вдруг она ищет меня?..)

(вдруг она?..)

А потом я слышу это.

Я – круг, круг – это я.

Отчетливый, словно колокольный звон, голос мэра Прентисса сплетается у меня в голове с моим собственным голосом, он как будто говорит прямо в моем Шуме. От неожиданности я чуть не падаю с лошади. Даже Дейви удивленно оглядывается, не понимая, на что это я так среагировал.

А мэр Прентисс просто едет себе по дороге, словно ничего не случилось.

Чем дальше на восток и дальше от собора мы уезжаем, тем серее становится вокруг. Скоро под копытами лошадей оказывается гравий, а дома вокруг становятся все проще и проще – длинные деревянные бараки на большом расстоянии друг от друга, будто кирпичи, разбросанные по лесу.

От этих домов исходит женская тишина.

– Верно подмечено! – говорит мэр. – Мы въезжаем в женский квартал.

Мое сердце сжимается, тишина эта подобна стальной хватке.

Я пытаюсь выпрямиться и скакать ровнее.

Потому что где-то здесь может быть она, где-то здесь ее лечат.

Дейви снова подъезжает ко мне, его жалкие недоусики изгибаются в гнусной улыбке.

Я скажу тебе, где твоя шлюшка, говорит его Шум.

Мэр Прентисс резко оборачивается.

От него исходит ужасно странный звук, как будто крик, но беззвучный, неземной, словно вмещающий в себя тысячу слов одновременно. Он проносится мимо и даже взъерошивает мне волосы на затылке.

Но реагирует на него Дейви.

Его голова дергается назад, словно от удара, и он судорожно хватается за поводья, чтобы не выпасть из седла. Конь разворачивается, и я вижу глаза Дейви, ошарашенные и безумные, из разинутого рта тянется ниточка слюны.

Черт, это еще что такое?..

– Он ничего не знает, Тодд, – говорит мне мэр. – Все, что ты узнаешь о ней из Шума моего сына, ложь от начала и до конца.

Я перевожу взгляд на Дейви, ошарашенного и часто моргающего от боли, потом опять на его отца:

– Это значит, что она цела и в безопасности?

– Это значит, что он не знает. Верно, Дэвид?

Да, па, отвечает Шум Дейви, все еще дрожащий от страха и боли.

Мэр Прентисс поднимает брови.

Дейви стискивает зубы.

– Да, па, – выдавливает он.

– Я знаю, что мой сын – лжец, – говорит мэр Прентисс. – Что он невежа, хулиган и плевать хотел на мои принципы и убеждения. Но он все-таки мой сын. – Прентисс снова обращает взгляд на дорогу. – И я верю в искупление.

Шум Дейви становится тихим, но где-то в глубине его слышится алое шипение.

Нью-Прентисстаун постепенно тает вдаль, вдоль дороги теперь почти нет построек. Между деревьев мелькают то красные, то зеленые фермерские поля – что-то из посаженного мне знакомо, что-то я вижу впервые. Тишина женщин постепенно сходит на нет, а местность вокруг дичает: в канавах растут цветы, восковые белки дразнят друг друга, ярко светит солнце и всюду царит мир и покой, как будто ничего не случилось.

Река поворачивает, мы огибаем холм, и вдруг впереди вырастает огромная железная башня.

– Что это? – спрашиваю я.

– Тебе-то какая разница? – ухмыляется Дейви, хотя ответа явно не знает.

Мэр Прентисс молчит.

Сразу за башней дорога опять поворачивает и идет вдоль длинной каменной стены. Чуть дальше в стене виднеется арка больших деревянных ворот. Больше за длинную – *очень* длинную – стену никак не попасть, а у ворот дорога заканчивается.

– Первый и последний монастырь Нового света, – говорит мэр Прентисс, останавливаясь у ворот. – Он был построен для спокойной жизни наших святейших, когда мы еще верили, что сможем побороть Шум с помощью дисциплины и самоотречения. – Его голос твердеет. – Но монастырь забросили, не успев толком достроить.

Мэр Прентисс поворачивается к нам. В Шуме Дейви вдруг вспыхивает странная искорка радости. Мэр бросает на него предостерегающий взгляд.

– Тебе не дает покоя вопрос, – говорит он мне, – почему я назначил своего сына твоим надзирателем.

Я кошусь на Дейви, тот все еще улыбается.

– Тебе нужна твердая рука, Тодд, – говорит мэр Прентисс. – Ты до сих пор раздумываешь, как бы отсюда сбежать, и при первой возможности попытаешься это сделать. Чтобы найти свою драгоценную Виолу.

– Где она? – спрашиваю я, заранее зная, что ответа не получу.

– Я не сомневаюсь, что Дейви будет как раз такой твердой рукой.

Сыночек ухмыляется.

– А взамен он поймет, что такое настоящая отвага. – Улыбка Дейви тут же меркнет. – Что такое благородство, что значит быть настоящим мужчиной. Другими словами, он поймет, что значит быть тобой, Тодд Хьюитт. – Мэр Прентисс бросает на сына последний взгляд и разворачивает коня. – Мне не терпится узнать, как прошел ваш первый день вместе.

С этими словами он дергает поводья и уносится обратно в Нью-Прентисстаун. Зачем он вообще с нами ездил? Уж наверняка у него были дела и поважней.

– Разумеется! – кричит мэр Прентисс, не оборачиваясь. – Но тебя нельзя недооценивать, Тодд Хьюитт!

Он скрывается из виду. Мы с Дейви дожидаемся, пока топот копыт не стихнет вдаль.

Я заговариваю первым:

– Скажи, что случилось с Беном, или я выгрызу тебе глотку.

– Босс тут я, малыш! – Дейви опять ухмыляется. Он спрыгивает на землю и бросает на землю свой рюкзак. – Лучше относись ко мне с уважением, не то па...

Я уже спешил, и мой кулак летит прямо в жалкое подобие его усов. Дейви не успевает увернуться от удара, но тут же бьет в ответ. Я тоже бы, не обращая внимания на боль, и мы валимся на землю, сплетаясь в вихре кулаков, локтей и коленей. Дейви все еще покрупней

меня будет, но не намного, так что я почти не замечаю разницы. И все же в конце концов он прижимает меня к земле, заламывает мне руки за спину и утыкается локтем в горло.

Его разбитые губы кровоточат, нос тоже, да и мое лицо выглядит не лучше. Плевать! Дейви тянется за спину и достает из кобуры пистолет.

– Твой па ни за что не позволит меня пристрелить, – хриплю я.

– Ага, – выплевывает Дейви. – Но все равно у меня пушка есть, а у тебя нет.

– Бен тебя побил, – хриплю я под его локтем. – Тогда, на дороге, он тебя остановил, и мы сбежали.

– Никто меня не останавливал, ясно? – ухмыляется Дейви. – Я взял его в плен! Отвел к па, и па разрешил мне его пытать. Я замучил его до *смерти*!

И тут в его Шуме...

Я...

Я не знаю, что возникает в его Шуме (он лжец, *лжец*!), но это придает мне сил, и я скидываю его с себя. Мы снова деремся, Дейви пытается отбиться прикладом пистолета, но в конце концов я сваливаю его и припечатываю локтем к земле.

– *Помни* это, сопляк, – выдавливают Дейви, кашляя, но пистолет из рук не выпускает. – Когда мой па опять начнет тебя расхваливать, помни, это он разрешил мне замучить Бена.

– Ты врешь! – кричу я. – Бен тебя побил.

– Да что ты? И где же он тогда? Идет на помощь? – смеется Дейви.

Стиснув кулаки, я делаю шаг назад, потому что он прав, так ведь? Мой Шум взрывается от горя, как будто все происходит сейчас, как будто он умирает у меня на глазах.

Дейви хохочет, отползая к огромным деревянным воротам.

– Мой па видит тебя насквозь! – кричит он, и его глаза радостно распахиваются. – Читает тебя, как *книгу*!

Мой Шум взывает еще громче.

– Отдай мне книжку! Или клянусь, я убью тебя!!!

– Ничего ты мне не сделаешь, *мистер Хьюитт*, – говорит Дейви, прижавшись спиной к воротам и осторожно поднимаясь. – Ты не станешь рисковать жизнью своей возлюбленной сучки, забыл?

И все.

Больше я ничего не могу сделать.

И они это знают.

Потому что я не стану подвергать ее опасности.

Мои руки хотят изувечить Дейви Прентисса – как тогда, на склоне, когда он *выстрелил* в нее...

Но теперь они ничего не сделают... Хотя и *могли бы*...

Потому что он слаб.

И мы оба это знаем.

Улыбка Дейви меркнет.

– Думаешь, ты такой особенный, да? – шипит он. – Думаешь, па тебя приголубит?

Я стискиваю кулаки, разжимаю. Но с места не схожу.

– Па знает тебя, – ухмыляется Дейви. – Видит насквозь.

– Ничего он не знает, – цежу я сквозь зубы. – И ты тоже.

Дейви опять ухмыляется:

– Неужели? – Его рука тянется к железной ручке ворот. – Тогда познакомься со своим новым стадом, Тодд Хьюитт!

Он толкает ворота, открывает их и отходит в сторонку, чтобы я все увидел своими глазами.

Из загона на меня смотрят сто с лишним спэков.

4

На стройке нового мира

[Тодд]

Моя первая мысль – развернуться и убежать. Бежать, бежать и никогда не останавливаться.

– Хотел бы я на это посмотреть, – говорит Дейви, стоя в воротах и улыбаясь, будто только что выиграл приз.

Их так много, господа, так много... вытянутые белые лица смотрят на меня, глаза огромные, рты маленькие и зубастые, уши вообще ни на что не похожи...

Но даже так что-то человеческое в них есть, верно? Все равно у них есть *лица*, и на этих лицах такой же страх...

И боль.

Трудно отличить мужчин от женщин, потому что на всех растет одинаковый лишайник вместо одежды, но ощущение такое, что они тут целыми семьями: большие спэки защищают маленьких, а спэки-мужья защищают жен – они обхватывают друг друга руками, склоняются и *молча*...

Молча.

– Вот именно! – восклицает Дейви. – Представляешь, эти идиоты дали лекарство даже *животным*!

Спэки переводят взгляды на Дейви, и в толпе поднимается странное щелканье. Спэки переглядываются и кивают. Дейви вскидывает пистолет и шагает на монастырскую землю.

– Что это вы удумали? – выплевывает он. – Попробуйте возразить! Ну? ВОЗРАЗИТЕ!

Спэки сбиваются в группы и пятятся.

– Поди сюда, Тодд, – приказывает Дейви. – У нас полно работы.

Я не сдвигаюсь с места.

– Сказал же, поди сюда!!! Это животные, ничего они тебе не сделают.

Я по-прежнему не шевелюсь.

– Он убил одного из вас, – говорит Дейви спэкам.

– *Дейви!* – ору я.

– Ножом башку ему оттяпал. Пилил и пилил...

– Заткнись! – Я кидаюсь вперед, чтобы заткнуть его поганый рот.

Спэки, стоящие ближе всего к воротам, пятятся еще дальше и как можно быстрее, глядя на меня испуганными глазами и пряча от меня детей. Я толкаю Дейви, но он только хохочет, а я вдруг понимаю, что оказался на монастырской земле.

Боже, сколько вокруг спэков.

Каменная стена монастыря опоясывает *громадный* участок земли, но здание на нем всего одно и очень небольшое, что-то вроде склада. Остальное пространство разделено на маленькие участки деревянными заборами с низкими воротами. Большинство таких загонов сильно заросло сорной травой. Дальняя каменная стена виднеется метрах в ста от нас.

Но в основном я вижу только спэков.

Сотни, сотни спэков, занимающих все пространство.

Больше тысячи.

Они жмутся к монастырской стене, прячутся за гниющими заборами, сидят кружками или стоят шеренгами.

Но все не сводят глаз с меня, безмолвные, как могильные плиты. Зато мой Шум брызжет во все стороны.

– Он врет! – кричу я. – Все было не так! Все было не так!

Но как же тогда было? Как мне все объяснить?

Ведь я в самом деле *убил* его, верно?

Не так, как сказал Дейви, но все равно ужасно, и картина эта настолько ясно встает у меня перед глазами, что спрятать ее за стеной лжи, не думать о ней нет никакой возможности: на меня обращены сотни взглядов. Сотни лиц!

– Это вышло случайно, – говорю я и умолкаю, переводя взгляд с одного странного лица на другое, не слыша их Шума, не понимая их щелканья, не зная, что происходит. – Я не хотел.

Но спэки молчат. Ничего не говорят, просто смотрят на меня.

Раздается скрип: ворота за нашими спинами снова открываются. Мы оборачиваемся.

Там стоит Иван из Фарбранча, присоединившийся к армии после сражения с мэром.

И какой правильный выбор он сделал! На нем офицерская форма, за спиной толпятся охранники.

– Мистер Прентисс-младший, – говорит он Дейви и кивает. Тот кивает в ответ. Иван поворачивается ко мне, но Шума у него нет, а по взгляду ничего не поймешь. – Рад видеть вас в добром здравии, мистер Хьюитт.

– Вы *знакомы*?! – вопрошает Дейви.

– Да, было дело, – все еще не сводя с меня глаз, отвечает Иван.

Я не говорю ни слова.

Я слишком занят разглядыванием картинок в своем Шуме.

Перед глазами у меня Фарбранч. Хильди, Тэм и Фран-сия. Страшная резня, в которой Иван выжил.

По его лицу пробегает тень раздражения.

– Я заодно с теми, за кем сила, – говорит он. – Только так и можно выжить.

Я представляю себе горящий Фарбранч, мужчин, женщин и детей в огне.

Иван хмурится еще сильнее:

– Эти ребята останутся здесь и будут вас охранять. Ваша задача – распределить спэков по участкам, кормить их и поить.

Дейви закатывает глаза:

– Как будто мы сами не знали...

Но Иван уже отвернулся и идет к воротам, оставляя с нами десять вооруженных солдат. Они занимают позиции на каменной стене монастыря и начинают разматывать мотки колючей проволоки.

– Десять солдат с винтовками да нас двое, а спэков вон сколько, – бормочу я еле слышно, но мой Шум можно различить за милую.

– Да ладно, не бойся, – говорит Дейви. Он наводит пистолет на ближайшего спэка – кажется, это женщина, потому что на руках у нее крошечный спэк. Она закрывает его своим телом. – Они не умеют драться, в них это не заложено.

Я вижу лицо спэка, защищающего свое дитя.

Это лицо поверженного, думаю я. Они все сдались. И знают это.

Я понимаю, каково им.

– Эй, ушлепок, смотри сюда! – Дейви воздевает руки к небу, привлекая к себе внимание спэков, и орет: – Вы обречены-ы-ы!!!

А потом ржет, не затыкаясь.

Дейви решил, что его задача – надзирать за работой спэков на участках. Это значит, что мне придется их кормить: сыпать корм и подливать воду в корыта.

Но я привык к такой работе и не возражаю. Я каждый день занимался этим на ферме. Да еще и вечно ныл, дурень неблагодарный.

Я вытираю глаза и начинаю работать.

Спэки стараются ко мне не подходить. Я только «за», если честно.

Потому что смотреть им в глаза невыносимо.

Мэр Прентисс сказал Дейви, что раньше спэки работали здесь слугами и поварами, но он первым делом приказал разогнать их по домам и запереть. Ночью, пока я спал, их всех перевезли сюда.

Одновременно с женщинами.

– Люди разрешали им жить у себя *во дворе*, представляешь? – усмехается Дейви, наблюдая за тем, как я тружусь. Утро сменилось днем, и он приступил к обеду, который вообще-то выдали на двоих. – Вот бред, а? Как будто они члены *семьи*!

– Может, они и были членами семьи, – говорю я.

– Ну, а теперь перестали, – смеется Дейви, вставая и помахивая пистолетом. – Давай за работу.

Я высыпал в корыта уже почти весь корм со склада, но этого явно мало. К тому же несколько колонок с водой не работают, и до захода солнца мне удалось починить лишь одну.

– Нам пора, – говорит Дейви.

– Я не закончил, – бурчу я в ответ.

– Прекрасно, – бросает он через плечо. – Тогда оставайся тут один.

Я оглядываюсь на спэков. Рабочий день на исходе, и они сгрудились у дальней стены, как можно дальше от ворот и солдат.

И от нас с Дейви.

Я лихорадочно перевожу взгляд с него на спэков и обратно. Им не хватает еды. И воды тоже. Им некуда ходить в туалет и совершенно негде спрятаться от непогоды.

Я развожу руками и показываю им пустые ладони, но разве делу этим поможешь? Они молча смотрят на меня, а я роняю руки и плетусь следом за Дейви.

– Так вот как ведут себя храбрецы, а? – говорит он, отвязывая своего коня, которого называет Ураганом, хотя откликается бедняга только на Желудя.

Я не обращаю на Дейви внимания, потому что думаю только о спэках. Нет, о спэклах. О том, как хорошо я буду с ними обращаться. Честное слово! Я буду давать им вдоволь еды и воды, сделаю для них все что в моих силах.

Правда.

Я даю себе такое обещание.

Потому что этого бы хотела она.

– О, я знаю, чего она хочет на самом деле, – ухмыляется Дейви.

И мы опять деремся.

К моему возвращению в башню там уже положили новую постель – матрас с простыней для меня и такой же для мэра Леджера. Он сидит на своем и жует кусок мяса.

Вонь, кстати, исчезла.

– Ага, – говорит мэр Леджер. – И угадай, кому пришлось все тут мыть?

Оказывается, его назначили уборщиком.

– Достойный труд, – говорит он мне, пожимая плечами. Но что-то в его Шуме подсказывает мне, что этот труд не кажется ему таким уж достойным. – А что, весьма символично. Упал с самого верха на самое дно. Было бы смешно, если б не было так грустно.

У моей постели тоже стоит миска с едой, я беру ее, подхожу к окошку и смотрю на город.

Который начинает потихоньку жужжать.

Лекарство выводится из крови мужчин, и это слышно. Гул несется из домов и построек, из переулков и садов.

В Нью-Прентисстаун возвращается Шум.

А теперь подумайте: я с трудом ходил даже по Прентис-стауну, хотя там было всего сто сорок шесть жителей. В Нью-Прентисстауне их в десять раз больше.

Не представляю, как я это вынесу.

– Со временем привыкнешь, – говорит мэр Леджер, доев свое мясо. – Помни, я прожил здесь двадцать лет, пока не изобрели лекарство.

Я закрываю глаза и вижу перед собой только стадо спэ-ков, буравящих меня взглядом. Осуждающих меня.

Мэр Леджер хлопает меня по плечу и показывает на мою тарелку с мясом:

– Ты же больше не хочешь?

А ночью мне снится...

Она...

Солнце так ярко светит за ее спиной, что лица не видно. Мы стоим на склоне холма, и она что-то говорит, но через рев водопада ни слова не разобрать. Я все спрашиваю: «Что? Что?», а когда пытаюсь до нее дотронуться, ничего не выходит, и рука вся покрывается кровью...

– Виола! – кричу я и резко сажусь в кровати, тяжело дыша в темноту.

Кошусь на мэра Леджера. Он лежит на своем матрасе лицом к стенке, но Шум у него не спящий – такой же сероватый, как днем.

– Вы не спите, – говорю я.

– Ну и громкие сны тебе снятся, – бурчит мэр Леджер в стенку. – Она так тебе дорога?

– Вам-то какое дело? – огрызаюсь я.

– Надо просто перетерпеть, Тодд, – вздыхает мэр Леджер. – Больше ничего не остается. Только жить и терпеть.

Я отворачиваюсь к стене.

Я ничего не могу сделать. Пока она у них, не могу.

Пока я не знаю, что с ней.

Пока они по-прежнему могут причинить ей боль.

Жить и терпеть, думаю я.

А где-то там она...

И я шепчу, шепчу ей, где бы она ни была сейчас: «Только терпи и живи, прошу тебя».

Только живи.

Часть вторая Лечебный дом. Вчера

5 Виола приходит в себя

[Виола]

– Успокойся, дитя.

Голос...

Голос из света.

Я открываю глаза и часто-часто моргаю. Все вокруг такое ослепительно-белоснежное, что цвет почти переходит в звук. Из него доносится тихий голос, в голове у меня вязкая каша, бок болит, и вокруг слишком светло, слишком...

Погодите...

Стоп-стоп...

Он нес меня по холму...

Ведь это было только *сейчас*, мы спустились в Хейвен сразу после того как...

– Тодд? – хриплю я. В горло словно набили мокрой ваты, но я гоню это слово наружу, в ослепительно-яркий свет: – ТОДД?!

– Я сказала: успокойся. Сейчас же.

Мне незнаком этот голос, женский голос...

Женский.

– Кто вы? – спрашиваю я, пытаюсь встать, щупая руками вокруг себя, чувствуя свежесть и прохладу...

...постели?

Во мне поднимается паника.

– *Где он?! – кричу я. – ТОДД!*

– Я не знаю никакого Тодда, дитя мое, – говорит голос. Из яркого света постепенно начинают проступать контуры и силуэты. – Зато я знаю, что ты сейчас не в том состоянии, чтобы о чем-либо расспрашивать.

– В тебя стреляли, – поясняет второй голос, моложе первого, справа от меня.

– Закрой рот, Мадлен Пул, – говорит первая женщина.

– Слушаюсь, госпожа Койл...

Я продолжаю моргать, и наконец картинка перед глазами начинает проясняться: я лежу на узкой белой койке в узкой белой комнате. На мне тонкая белая рубаша с завязками на спине. Прямо передо мной стоит высокая пухлая женщина в белом халате с вышивкой; протянутая синяя рука. У женщины тонкие губы и серьезное выражение лица. Госпожа Койл. За ней, в дверях, стоит девушка чуть постарше меня, в руках у которой тазик с горячей водой.

– Меня зовут Мэдди, – говорит она, тайком посылая мне улыбку.

– Вон! – даже не оборачиваясь, приказывает ей госпожа Койл.

Мэдди переглядывается со мной и напоследок снова улыбается.

– Где я? – спрашиваю я строгую госпожу, все еще задыхаясь.

– Ты имеешь в виду здание? Или *город*? – Она не сводит с меня глаз. – А может, планету?

– Пожалуйста, – выдавливаю я, и мои глаза вдруг наполняются слезами, я страшно злюсь на себя, но продолжаю говорить: – Со мной был мальчик...

Госпожа Койл вздыхает и на секунду отводит глаза, а потом поджимает губы и садится в кресло рядом с моей койкой. Лицо у нее строгое, а волосы убраны в такие тугие косы, что по ним впору лазать. Тело крепкое, большое – с ней шутки явно плохи.

– Прости, – почти с нежностью говорит госпожа Койл. Но только почти. – Я ничего не знаю о мальчике. – Она хмурится. – Боюсь, я вообще мало что знаю – тебя просто принесли в наш лечебный дом вчера утром. Ты была при смерти, и я не знала, сможем ли мы тебя выходить, хотя нам недвусмысленно намекнули, что от твоего выживания напрямую зависит *наше*.

Госпожа Койл умолкает и смотрит на мою реакцию.

А я понятия не имею, как реагировать.

Где он? Что с ним сделали?

Я отворачиваюсь и пытаюсь *думать*, но меня так крепко перетянули бинтами, что и сесть-то не получается.

Госпожа Койл проводит пальцами по лбу.

– Теперь ты очнулась, – улыбается она, – но вряд ли станешь благодарить нас за мир, в который мы тебя вернули.

Она рассказывает мне, как на волне слухов об армии – огромной и сокрушительной армии, которой ничего не стоит смести их город с лица земли, да что там город, спалить целый мир, – в Хейвен прискакал мэр Прентисстауна. Мэр Леджер решил сдаться и обругал всех, кто призывал дать врагу бой. Жители Хейвена почти единодушно согласились вручить город Прентиссу на блюдечке с голубой каемочкой.

– А потом лечебные дома, – сказала госпожа Койл с неподдельной яростью в голосе, – вдруг превратились в женские тюрьмы!

– Выходит, вы доктор? – спрашиваю я, но в груди у меня все обрывается, меня словно придавливает сверху огромным валуном: мы проиграли, наше бегство от армии оказалось совершенно бессмысленным.

Губы госпожи Койл растягиваются в едва заметной улыбке – затаенной, как будто я о чем-то проболталась, но беззлобной. Я замечаю, что уже почти не боюсь ее, куда меньше боюсь за себя, но гораздо сильнее боюсь за *него*.

– Нет, дитя мое, – говорит госпожа Койл, склонив голову набок. – А ведь ты должна знать, что в этом мире нет докторов женского пола. Я – целительница.

– Разве это не одно и то же? – удивляюсь я.

Госпожа Койл снова проводит рукой по лбу:

– И впрямь. – Она кладет руки на колени и смотрит на них. – Хоть мы тут и взаперти сидим, кое-какие слухи до нас доходят. Слухи о разделении мужчин и женщин, об армии, которая явится сюда со дня на день, о резне, которую устроят солдаты, как бы мирно мы *ни сдались*... – Она переводит на меня решительный взгляд: – И вдруг появляешься ты, дитя мое.

Я отвожу глаза:

– И что? Я самая обычная девочка.

– Неужели? – Госпожа Койл явно мне не верит. – Девочка, ради прибытия которой очистили весь город? Девочка, чью жизнь мне приказали спасти ценой собственной? Девочка, – она подается вперед, чтобы лучше донести мысль, – прилетевшая из бескрайней черноты?

Я на миг затаиваю дыхание: надеюсь, госпожа Койл этого не заметила.

– Откуда вы все это взяли? – спрашиваю я.

Госпожа Койл снова улыбается – по-прежнему беззлобно:

– Я целительница. Первым делом я всегда вижу кожу, а кожа способна рассказать о человеке очень многое – откуда он, кто он, чем питается. У тебя, дитя, вид измученный, но сама кожа мягкая и белая – на планете фермеров такой не встретишь. – Я все еще прячу от нее глаза. – Ну, и потом есть слухи – куда без них! Беженцы поговаривают, что на нашу планету скоро высадятся новые переселенцы. Тысячи людей!

– Прошу вас, – тихо говорю я, и глаза мои вновь наполняются слезами, как бы я ни пыталась взять себя в руки.

– К тому же ни одна здешняя девочка не назовет женщину доктором, – добавляет госпожа Койл.

Я проглатываю слезы. Закрываю рот ладонью. Где он? Плевать я хотела на все это, главное, где он?!

– Я знаю, что тебе страшно, – говорит госпожа Койл, – но мы все здесь *объяты* страхом, ничего не поделаешь. – Она кладет шершавую руку на мою ладонь. – А вот ты, вероятно, сможешь помочь нам.

Я опять проглатываю слезы, но молчу.

Только один человек на этом свете заслуживает моего доверия.

И его здесь нет.

Госпожа Койл снова откидывается в кресле:

– Все-таки мы спасли тебе жизнь, дитя. Даже такое маленькое знание может принести большое утешение.

Я глубоко дышу и оглядываюсь по сторонам: из окна струится солнечный свет, а снаружи виднеются деревья и река, *река* – та самая, вдоль которой мы бежали навстречу надежде. Кажется, что в такой погожий день вообще не может происходить ничего плохого: за углами не таятся враги, и никакой армии нет на свете.

Но армия есть, и она близко.

Близко.

Для госпожи Койл они такие же враги, как для меня...

В груди больно тянет.

Но я набираю побольше воздуха...

И начинаю говорить:

– Меня зовут Виола Ид...

– Так значит, к нам летят новые переселенцы? – с улыбкой спрашивает Мэдди.

Я лежу на боку, а она разматывает длинный бинт, которым меня перевязали. Внутри все в крови, а кожа пыльная и какого-то ржавого цвета. В животе у меня маленькая дырочка, зашитая тонкой ниткой.

– Почему мне не больно? – спрашиваю я.

– Повязка с настоем корня Джефферса, – отвечает Мэдди. – Это природный опиат. Боли ты почувствовать не будешь, но и в туалет сама ходить не сможешь около месяца. А примерно через пять минут крепко уснешь.

Я осторожно, очень осторожно щупаю кожу вокруг раны. На спине с другой стороны точно такое же отверстие.

– Почему я не умерла? – спрашиваю я.

– А хотела бы? – Мэдди снова улыбается, но потом улыбка сменяется самым хмурым выражением лица, какое мне приходилось видеть. – Напрасно я шучу. Госпожа Койл всегда говорит, что я никогда не стану настоящей целительницей, если и дальше буду такой несерьезной. – Она окунает тряпочку в таз с горячей водой и начинает протирать мои раны. – Ты не умерла только потому, что госпожа Койл – самая лучшая целительница в Хейвене,

лучше всех так называемых докторов. Даже злодеи это знают. Почему, думаешь, тебя принесли сюда, а не в клинику?

На девушке такой же белый халат, как на госпоже Койл, а на голове белая шапочка с вышитой синим рукой – Мэдди сказала, что так одеваются все ученики. Она почти моя ровесница, может, на пару лет старше, как бы на этой планете ни измеряли возраст, но руки у нее уверенные и нежные одновременно.

– Расскажи, – говорит Мэдди с напускной беззаботностью, – эти злодеи и впрямь так уж ужасны?

Дверь открывается. На пороге возникает невысокая девушка в такой же ученической шапочке, примерно одного возраста с Мэдди, но кожа у нее темно-коричневая, а сама она мрачнее тучи.

– Госпожа Койл говорит, чтобы ты заканчивала.

Мэдди, не поднимая головы, продолжает наклеивать на мой живот повязку с лекарством:

– Госпожа Койл прекрасно знает, что я еще и половины не сделала.

– Нас призвали, – говорит девушка.

– Коринн, ты так говоришь, будто нас каждый день призывают. – Повязка действует не хуже моего пластыря с корабля: лекарство уже проникает в кровь, я чувствую приятную прохладу и сонливость. Мэдди заканчивает спереди и поворачивается к столику за новой повязкой для спины. – Я здесь делом занята.

– Там человек с ружьем, – говорит Коринн.

Мэдди замирает.

– Всех созывают на городскую площадь, – продолжает Коринн. – Включая тебя, Мэдди Пул, занята ты или нет. – Она скрещивает руки на груди. – Похоже, армия явилась.

Мэдди смотрит мне прямо в глаза. Я отвожу взгляд.

– Вот и пришел нам конец, – добавляет Коринн.

Мэдди закатывает глаза:

– Знаешь, ты всегда такая жизнерадостная! Скажи госпоже Койл, что я сейчас прибегу.

Коринн бросает на нее недовольный взгляд, но уходит. Мэдди заклеивает мне спину – к этому времени глаза у меня уже закрываются.

– Теперь спи, – говорит она. – Все будет хорошо, вот увидишь. Они бы не стали тебя спасать, если б хотели только... – Она умолкает, не закончив мысли, поджимает губы и улыбается: – Я всегда говорила, Коринн по части серьезности нас всех переплюнет!

Ее улыбка – последнее, что я вижу перед сном.

– ТОДД!

Я вскакиваю, очнувшись от кошмара, в котором Тодд ускользал от меня...

С коленей Мэдди на пол с грохотом падает книга, а сама она просыпается и удивленно моргает, глядя по сторонам. Наступила ночь, в комнате темно, и только рядом с креслом Мэдди горит маленькая лампадка.

– Кто такой Тодд? – спрашивает она, зевнув и хитро улыбаясь. – Твой *парень*? – Увидев мой взгляд, она тут же мрачнеет. – Кто-то близкий и дорогой?

Я киваю, все еще тяжело дыша. Мокрые от пота волосы налипли на лоб.

– Да, близкий и дорогой.

Она наливает мне стакан воды из кувшина на прикроватной тумбочке.

– Что случилось? – говорю я, отпив. – Зачем вас созывали?

– Ах да! – Мэдди откидывается в кресле. – Было очень интересно.

Она рассказывает, как весь город – больше не Хейвен, а Нью-Прентисстаун (от этого названия у меня сердце уходит в пятки) – собрался смотреть на прибытие армии и казнь старого мэра.

– Вот только никакой казни не было, – говорит Мэдди. – Он его помиловал. Сказал, что и нас помилует. Что забирает у нас лекарство от Шума – этому никто не обрадовался, конечно, все-таки в тишине жилось очень хорошо – и что мы должны знать свое место, помнить, кто мы такие, и строить новый дом для переселенцев, которые скоро придут.

Мэдди приподнимает брови и ждет, что я скажу.

– Я и половины не поняла. Выходит, вы изобрели лекарство?

Девушка качает головой, но не отрицательно, а изумленно:

– Боже, ты и впрямь не здешняя, правда?

Я отставляю стакан с водой, подаюсь вперед и тихо шепчу:

– Мэдди, где-нибудь поблизости есть коммуникационный узел?

Она смотрит на меня так, словно я предложила ей полететь на одну из лун.

– Мне надо связаться с кораблями, – говорю я. – Это может быть что-то вроде огромной железной тарелки или башни...

Мэдди задумчиво смотрит по сторонам.

– На холмах есть старая железная башня, – наконец шепчет она в ответ, – но я не знаю, для чего она. Ее давным-давно забросили. К тому же туда не добраться – всюду солдаты, Ви.

– Она очень высокая?

– Довольно-таки. – Мы все еще перешептываемся. – Говорят, сегодня ночью перевезут последних женщин.

– Зачем?

Мэдди пожимает плечами:

– Какая-то женщина сказала Коринн, что спэков тоже отгородили.

Я резко сажусь и чувствую, как тянет под бинтами.

– Спэков?!

– Ну да, это такой местный вид...

– Знаю. – Я пытаюсь выпрямиться невзирая на повязку. – Тодд мне много чего рассказывал про ваше прошлое. Мэдди, если он решил отделить женщин и спэков, мы в опасности! Хуже и быть не может!

Я сбрасываю с себя одеяло, чтобы встать, но живот тут же пронзает молния боли. Я вскрикиваю и падаю назад.

– Ну вот, шов потянула! – с упреком говорит Мэдди, подскочив ко мне.

– Пожалуйста! – Я скриплю зубами от боли. – Надо выбираться отсюда. Надо бежать!

– В таком состоянии бегать нельзя, – говорит девушка, протягивая руку к моей повязке.

И в эту секунду в палату заходит мэр.

6 Разные стороны

[Виола]

Ведет его госпожа Койл. Лицо у нее еще суровей, чем всегда, лоб нахмурен, губы поджаты. Хотя мы виделись всего раз, я прекрасно понимаю, что она очень недовольна происходящим.

Мэр Прентисс встает за ее спиной. Высокий, худой, но широкоплечий, весь в белом... и в шляпе, которую даже не потрудился снять.

Мне впервые удастся рассмотреть его как следует. Когда он подошел к нам вплотную на площади, я истекала кровью и умирала.

Но это он.

Ошибки быть не может.

– Добрый вечер, Виола, – говорит мэр Прентисс. – Я так давно мечтал с тобой познакомиться.

Госпожа Койл замечает, что я пыталась скинуть одеяло и что Мэдди тянется ко мне.

– Что случилось, Мадлен? – спрашивает она.

– Ей кошмар приснился, – отвечает Мэдди, переглянувшись со мной. – Боюсь, как бы шов не разошелся.

– Хорошо, позже посмотрим, – говорит госпожа Койл и серьезным тоном, так что Мэдди сразу настораживается, добавляет: – А пока дай ей четыреста единиц корня Джефферса.

– Четыреста? – удивленно переспрашивает Мэдди, но потом замечает выражение лица начальницы и тотчас кивает: – Хорошо, госпожа Койл.

Напоследок стиснув мою ладонь, она выходит из комнаты.

Оба долго смотрят на меня, потом мэр Прентисс говорит:

– Спасибо, госпожа.

Госпожа Койл тоже выходит, бросив на меня молчаливый взгляд – то ли она хочет успокоить меня, то ли попросить о чем-то или предупредить, – но я слишком напугана, чтобы попытаться это выяснить. Она закрывает за собой дверь.

И я остаюсь наедине с мэром Прентиссом.

Он тянет время и молчит, пока мне не становится окончательно ясно: надо что-то сказать. Я кулаком прижимаю к животу простыню, все еще чувствуя резкую боль при каждом движении.

– Вы мэр Прентисс. – Мой голос дрожит, но я все-таки произношу это.

– *Президент* Прентисс, – поправляет меня он, – но ты меня знаешь как мэра, разумеется.

– Где Тодд? – Я смотрю ему в глаза, не моргая. – Что вы с ним сделали?

Прентисс опять улыбается:

– Твои первые слова были умными, вторые – храбрыми. Думаю, мы подружимся.

– Он ранен? – Я сглатываю поднимающуюся в груди боль. – Он жив?

Первую секунду мне кажется, что Прентисс и не подумает отвечать, даже не подаст виду, что услышал мой вопрос, однако в следующий миг я получаю исчерпывающий ответ:

– У Тодда все хорошо. Он жив, здоров и постоянно спрашивает о тебе.

Я вдруг понимаю, что все это время не дышала.

- Правда?
- Разумеется.
- Я хочу его увидеть.
- Он тоже хочет тебя видеть, но не торопись, всему свое время.

Мэр продолжает улыбаться, почти по-дружески.

Передо мной стоит человек, от которого мы бежали несколько недель подряд, он стоит рядом со мной, а я даже не могу толком пошевелиться.

И он *улыбается*.

Почти по-дружески.

Если он что-нибудь сделал Тодду, если он хоть *пальцем* его тронул...

– Мэр Прентисс...

– Президент Прентисс, – снова поправляет меня он, и вдруг его голос веселеет: – Впрочем, можешь звать меня Дэвид.

Я ничего не отвечаю, только еще сильнее давлю на повязку, не обращая внимания на боль.

В мэре Прентиссе есть что-то странное. Что-то неуловимое...

– Конечно, если позволишь называть себя Виолой.

Раздается стук в дверь, и в палату входит Мэдди с каким-то пузырьком в руке.

– Корень Джефферса, – говорит она, глядя в пол. – От боли...

– Да-да, конечно. – Сложив руки за спиной, мэр Прентисс отходит от кровати. – Делайте что нужно.

Мэдди наливает мне стакан воды и смотрит, как я проглатываю четыре желтые капсулы – на две больше, чем мне давали раньше. Потом она забирает стакан и, стоя спиной к мэру Прентиссу, бросает на меня многозначительный взгляд – без тени улыбки, зато очень решительный и храбрый, – так что мне сразу становится чуть спокойней, чуть легче.

– Она быстро утомится, – предупреждает Мэдди мэра Прентисса, все еще не глядя на него.

– Понимаю, – кивает тот.

Мэдди выходит, закрывает за собой дверь, и по моему животу тут же разливается приятное тепло. Однако боль и дрожь уходят не сразу.

– Ну, можно? – спрашивает мэр Прентисс.

– Что? – не понимаю я.

– Называть тебя Виолой?

– Я не в силах вам помешать, – говорю я. – Зовите как хотите.

– Хорошо, – отвечает мэр Прентисс, не садясь и не шевелясь, с прежней улыбкой на лице. – Когда тебе станет лучше, я бы очень хотел с тобой побеседовать.

– О чем?

– Как же, о кораблях, разумеется. Которые с каждой минутой все ближе и ближе.

Я проглатываю слюну.

– О каких еще кораблях?

– О нет, нет, нет. – Мэр Прентисс качает головой, хотя продолжает улыбаться. – В начале нашего знакомства ты проявила такую храбрость и ум... Прошу, не порть это впечатление. Страх не помешал тебе обратиться ко мне уверенным и спокойным голосом. Твое поведение достойно восхищения. – Он опускает голову. – И все же этого недостаточно. Мне нужна честность. Мы должны начать с честности, Виола, иначе как мы вообще можем чего-то добиться?

«Добиться чего?» – думаю я.

– Я сказал тебе, что у Тодда все хорошо, – говорит мэр Прентисс. – И это чистая правда. – Он кладет руку на спинку моей кровати. – С ним и дальше будет все хорошо, обещаю. – Он умолкает. – А ты будешь честна со мной.

Я начинаю понимать, что это ультиматум.

Тепло от живота расходится по телу, замедляя и сглаживая все вокруг. Молнии в животе утихают, но с облегчением приходит и сон. Зачем мне дали целых две дозы? Я так быстро усну, что даже не смогу поговорить с...

О...

О!

– Мы с Тоддом должны увидаться, иначе я вам не поверю, – говорю я.

– Скоро, – отвечает мэр Прентисс. – Сперва нам предстоит еще очень многое сделать в Нью-Прентисстауне. И *переделать*.

– Даже если никто этого не хочет...

Мои веки начинают смежаться. Я с трудом их разлепляю и только тогда до меня доходит, что я сказала это вслух.

Мэр вновь улыбается:

– Последнее время мне часто приходится это говорить, Виола. Война кончилась. Я тебе не враг.

Я поднимаю на него удивленный сонный взгляд.

Я боюсь его. Честное слово.

Но...

– Вы были врагом женщин Прентисстауна, – говорю я. – И всех жителей Фарбранча.

Лицо мэра Прентисса неуловимо каменеет, и ему явно не хочется, чтобы я это заметила.

– Сегодня утром в реке обнаружили труп, – говорит он. – Труп с ножом в горле.

Я изо всех сил стараюсь удержаться, чтобы не вытаращить глаза: не помогает даже корень Джефферса.

– Вероятно, смерть эта вполне объяснима. У жертвы определенно были *враги*.

Я вспоминаю, как сделала это...

Как вонзила нож...

И закрываю глаза.

– Что же до меня, – говорит мэр Прентисс, – то моя военная служба подошла к концу, теперь моя задача – править и объединять людей. Война закончилась.

Ну-ну, объединять, разлучая, думаю я, но дышу все медленней, а белый цвет стен вокруг становится все ярче и ярче – он не спит, он мягкий и ласковый, в нем хочется утнуть и спать, спать, спать... Я еще глубже погружаюсь в подушку.

– Что ж, я пойду, – говорит мэр Прентисс. – До скорых встреч.

Я начинаю дышать ртом. Со сном бороться уже невозможно.

Мэр Прентисс видит, что я уплываю.

И делает ужасно странную вещь.

Он подходит ближе и почти заботливо накрывает меня простыней.

– У меня к тебе последняя просьба.

– Какая? – спрашиваю я, не открывая глаза.

– Зови меня Дэвид.

– Что? – Язык едва ворочается.

– Я хочу, чтобы ты сказала: «Спокойной ночи, Дэвид».

Из-за лекарства я совершенно не владею собой, и слова слетают с губ без моего ведома:

– Спокойной ночи, Дэвид.

Сквозь дымку наркотического сна я вижу, что мэр выглядит удивленным... и даже немного расстроенным.

Однако он быстро берет себя в руки:

– И тебе, Виола. – Он кивает и шагает к двери.

Тут до меня доходит, в чем дело, что именно в нем изменилось.

– Не слышу вас, – шепчу я.

Он замирает и оборачивается:

– Я сказал: «И тебе...»

– Нет, я про другое, – с трудом выдавливаю я из себя. – Я не слышу ваших мыслей.

Мэр вскидывает брови:

– Ну еще бы!

Я засыпаю прежде, чем за ним закрывается дверь.

Я сплю долго, очень долго, а когда открываю глаза, комната уже залита солнечным светом, и я пытаюсь понять, что произошло на самом деле, а что мне приснилось.

(...отец протягивает руку и помогает мне забраться по лестнице в люк: «Добро пожаловать на борт, шкипер...»)

– Ты храпишь, – произносит чей-то голос.

На стуле сидит Коринн и так быстро орудует иглой над тканью, что кажется, это чьи-то чужие и злые руки летают над ее коленями.

– Неправда, – говорю я.

– Ей-богу, как корова на охоте, – смеется Коринн.

Я сбрасываю одеяла. Кто-то сменил мне повязки, и резкая боль в животе исчезла – видимо, швы наложили заново.

– Давно я сплю?

– Больше суток. – В голосе Коринн слышится укор. – Президент уже дважды присылал людей справиться о твоём здоровье.

Я кладу руку на бок и осторожно щупаю рану. Боли почти нет.

– Что же, тебе нечего на это сказать? – спрашивает Коринн, яростно работая иглой.

Я хмурюсь:

– Что тут скажешь? Я его первый раз в жизни видела.

– Зато *он* хорошо тебя знает, не так ли? Ай! – Коринн шипит и сует в рот уколотый палец. – Все это время мы сидим взаперти и даже на улицу выйти не можем!

– А я тут при чем? – недоумеваю я.

– Ты ни при чем, дитя мое. – В палату заходит госпожа Койл и строго смотрит на Коринн. – Никто здесь тебя не винит.

Коринн встает, вежливо кивает госпоже и молча выходит за дверь.

– Как ты себя чувствуешь? – спрашивает госпожа Койл.

– Голова кружится.

Я немного приподнимаюсь на руках – получается гораздо лучше. Ноги не очень-то гнутся, но в конце концов мне удастся встать и даже пройти до двери.

– Не зря Мэдди говорит, что вы – лучшая целительница в городе! – с восхищением говорю я.

– Мэдди никогда не лжет, – улыбается госпожа Койл.

Она провожает меня по белому коридору к туалету. Когда я выхожу оттуда, мне протягивают белую рубашку – она теплей, длинней и вообще приятней, чем рубашка с завязками на спине. Я переодеваюсь, и мы идем обратно в палату, меня немного шатает, но все же я иду.

– Президент интересуется твоим здоровьем, – говорит госпожа Койл, придерживая меня рукой.

– Коринн уже сказала. – Я тайком кошусь на нее. – Это все из-за новых переселенцев. Я знать не знаю мэра! Я не на его стороне.

– О! – Госпожа Койл заводит меня обратно в палату и укладывает на кровать. – Так ты признаешь, что есть противные стороны?

Я откидываюсь на подушку, крепко прижимая язык к зубам.

– Вы мне нарочно вкололи две дозы Джефферса, чтобы я не смогла долго с ним разговаривать? – спрашиваю я. – Или чтобы я не успела рассказать ему лишнего?

Госпожа Койл одобрительно кивает, словно хвалит за сообразительность.

– Если я скажу, что и то и другое – правда, ты ведь на нас не обидишься? – улыбается она.

– Могли бы и меня спросить для начала, – говорю я.

– Времени не было, – отвечает госпожа Койл, садясь на стул рядом с кроватью. – О Прентиссе мы знаем только из истории, а история эта очень, очень скверная. Что бы он ни говорил о новом мире и новом обществе, лучше заранее подготовиться к беседе с таким человеком.

– Я его не знаю, я вообще ничего не знаю! – повторяю я.

– Но ты еще можешь узнать, – произносит госпожа Койл с легкой улыбкой. – А как сложится ваше знакомство, зависит от человека, который проявит к этому интерес.

Я пытаюсь прочесть ее, понять, что она имеет в виду, но у местных женщин тоже нет Шума, так ведь?

– Что вы такое говорите?

– Что тебе давно пора хорошенько поесть. – Госпожа Койл встает, стряхивая с белоснежного халата невидимые соринки. – Попрошу Мэдди принести тебе завтрак.

Она подходит к двери и берется за ручку, но поворачивает ее не сразу.

– Знай вот что, – говорит она, стоя ко мне спиной. – Если стороны все-таки *есть*... – она косится на меня из-за плеча, – то мы с президентом точно на разных.

7

Госпожа койл

[Виола]

– Кораблей всего шесть, – говорю я, лежа в кровати. Говорю уже в третий раз за эти долгие-долгие дни – дни без Тодда, дни, когда я понятия не имею, что случилось с ним, да и вообще с миром снаружи.

Из окна моей палаты видны марширующие солдаты, но они только и делают, что маршируют. Обитатели лечебного дома, затаив дыхание, ждут, когда солдаты вломятся сюда и начнут творить ужасные вещи, как и полагается завоевателям.

Но ничего подобного они не делают. Каждый день кто-то приносит еду, и целительницы продолжают спокойно работать.

Да, мы сидим взаперти, но происходящее не очень-то похоже на конец света, которого все ждали. Госпожа Койл убеждена, что это только к худшему.

Я ничего не могу с собой поделать и тоже так думаю.

Она смотрит в блокнот и хмурится:

– Только шесть?

– По восемьсот спящих и по три семьи хранителей на каждом корабле, – добавляю я. Очень хочется есть, но я знаю, что о еде не может быть и речи, пока беседа не подойдет к концу. – Госпожа Койл...

– И ты совершенно уверена, что хранителей ровно восемьдесят один?

– Мне ли не знать? Я ведь училась с их детьми.

Она поднимает голову:

– Понимаю, мои расспросы тебе наскучили, но знание – это сила. Очень важно предоставить мэру Прентиссу *правильные* сведения. И получить *правильные* сведения от него.

Я нетерпеливо вздыхаю:

– Не умею я шпионить!

– Никто тебя не просит, – говорит госпожа Койл, снова утыкаясь в свои заметки. – Ты просто должна кое-что разузнать. – Она что-то пишет в блокноте. – Четыре тысячи восемьсот восемьдесят один человек, – бормочет она себе под нос.

Я понимаю, о чем думает госпожа Койл. Это больше, чем население Нового света на сегодняшний день. Достаточно, чтобы все изменить.

Но какими будут эти перемены?

– Когда мэр Прентисс снова придет тебя навестить, про корабли молчок, ясно? Пусть себе гадает. Он не должен знать точных цифр.

– Но при этом я должна выудить из него как можно больше сведений, – говорю я.

Госпожа Койл закрывает блокнот: беседа окончена.

– Знание – сила, – повторяет она.

Я сажусь. Как же надоело быть больной!

– Можно вопрос?

Госпожа Койл встает и уже тянется к пуговицам на своем плаще:

– Конечно.

– Почему вы мне доверяете?

– Видела бы ты свое лицо, когда мэр Прентисс вошел в палату, – без промедлений отвечает госпожа Койл. – Ты как будто увидела заклятого врага.

Она застегивает плащ до самого подбородка. Я внимательно наблюдаю.

– Вот бы найти Тодда и добраться до радиобашни... – мечтаю я.

– Ты угодишь в лапы солдат. – Госпожа Койл не хмурится, но глаза ее сердито сверкают. – А мы потеряем наше единственное преимущество. – Она открывает дверь. – Нет уж, дитя мое, скоро к тебе придет новоявленный президент, и ты должна вывести у него как можно больше – это нам поможет.

Госпожа Койл выходит, и я кричу ей вдогонку:

– «Нам» – это кому?!

Но ответа нет.

– ...а потом Тодд подхватил меня на руки и бросился вниз, он бежал целую вечность, все приговаривая: ты не умрешь, я тебя спасу. Больше я ничего не помню.

– Ух ты!.. – тихо выдыхает Мэдди. Из-под ее шапочки выбилась непослушная прядь. Мы с ней ходим туда-сюда по коридору – чтобы восстановить силы, мне нужна физическая нагрузка. – И ведь он действительно тебя спас.

– Он не умеет убивать, – говорю я. – Вот почему они так хотели его заполучить: он не похож на них. Ты бы видела, как он мучился, когда убил спэка... И теперь его схватил мэр...

Я останавливаюсь и, часто моргая, долго смотрю в пол.

– Надо отсюда выбираться, – стиснув зубы, наконец говорю я. – Я ведь не шпионка. Я должна найти Тодда и радиобашню, чтобы как можно скорее предупредить своих. Может, они вышлют подмогу. У них еще остались разведывательные корабли, да и оружие есть...

Мэдди мрачнеет, как всегда, стоит мне завести этот разговор.

– Нам пока не разрешили выходить.

– Нельзя вечно слушаться других, Мэдди! А злодеев нельзя слушаться тем более!

– В одиночку против целой армии тоже идти нельзя. – Мэдди нежно подталкивает меня вперед и улыбается. – Это не по зубам даже великой и бесстрашной Виоле Ид.

– Раньше было по зубам. Нам с Тоддом...

– Ви...

– У меня умерли родители, – хрипло выдавливаю я. – И вернуть их нельзя. Я не могу потерять еще и Тодда! Если есть хоть один шанс, пусть самый маленький...

– Госпожа Койл не позволит, – говорит Мэдди, однако что-то в ее тоне заставляет меня поднять голову.

– Но?

Мэдди молча подводит меня к коридорному окну и выглядывает на дорогу. В ярком солнечном свете маршируют солдаты, мимо проезжает повозка с пурпурной пшеницей, а из города доносится Шум – громкий, как целая армия.

В таком грохоте нипочем не разобрать мыслей одного мальчика.

– Может, все не так уж плохо. – Мэдди говорит очень медленно, словно взвешивая каждое слово. – Посуди сама: в городе все тихо и спокойно. То есть там очень *шумно*, но разносчик еды сказал, что лавки вот-вот откроются. Тодд наверняка жив-здоров, работает и с нетерпением ждет вашей встречи.

Непонятно, чего она добивается: хочет поверить сама или убедить в этом меня? Я вытираю нос рукавом:

– Может быть.

Мэдди смотрит на меня долгим взглядом, словно хочет что-то сказать, но не может. Наконец снова отворачивается к окну:

– Ну и грохот!

Кроме госпожи Койл в нашем лечебном доме есть еще три целительницы: госпожа Вагонер, пухлая и усатая старушка, госпожа Надари, которая лечит рак и которую я видела

лишь раз, да и то мимоходом, и госпожа Лоусон, она вообще-то работает в детском лечебном доме, но случайно оказалась у нас во время капитуляции Хейвена и с тех пор места себе не находит из-за больных детей, которых теперь некому лечить.

Учениц в доме гораздо больше, чем целительниц, – около дюжины, не считая Мадлен и Коринн. Они считаются старшими ученицами в доме и, наверно, во всем Хейвене (потому что помогают непосредственно госпоже Койл, как я поняла). Остальных я вижу редко: сверкая стетоскопами и хлопая полами белых халатов, они ходят по пятам за целительницами, пытаюсь найти себе какое-нибудь полезное занятие.

Потому что занятий становится все меньше: город постепенно сживается с переменами, пациенты поправляются, а новых нет. Всех больных мужчин вывезли отсюда в первую же ночь, невзирая на их состояние, а новые женщины почему-то не поступают, хотя нашествие и капитуляция вовсе не отменяют болезней и травм.

Госпожа Койл очень из-за этого тревожится.

– Какой в ней толк, если ей не дают лечить больных? – говорит Коринн, чересчур туго затягивая жгут на моей руке. – Раньше она заведовала всеми лечебными домами, не только нашим. Все ее знали, уважали и ценили, некоторое время она даже была председателем Городского совета.

Я изумленно моргаю:

– Да ты что? Она была тут самой главной?

– Давным-давно. Сиди спокойно, не дергайся. – Коринн втыкает иголку – тоже не слишком-то бережно. – Госпожа Койл говорит, что быть у власти означает каждый день наживать новых врагов, причем из тех, кого больше всего любишь. – Она ловит мой взгляд. – Честно говоря, я тоже так думаю.

– И что случилось? Почему она больше не у власти?

– Она допустила ошибку, – чопорно отвечает Коринн. – А недруги этим воспользовались.

– Какую такую ошибку?

Всегда хмурое лицо Коринн мрачнеет еще больше.

– Спасла жизнь одному человеку. – И она так сильно щелкает жгутом, что на коже остается красный след. Проходит день, потом еще один, но ничего не меняется.

Нам по-прежнему нельзя выходить на улицу, еду приносят случайные люди, а мэр Прентисс так и не заходит. Его солдаты регулярно спрашивают о моем здоровье, но обещанного визита все нет и нет. Мэр Прентисс словно решил на какое-то время предоставить меня самой себе.

Но почему?

В доме говорят исключительно о нем.

– Представляете, до чего дошло? – спрашивает госпожа Койл за обедом в столовой – мне впервые разрешили поехать не в палату. – Теперь он не только работает в соборе, но и *живет*.

Женщины вокруг неодобрительно цокают. Госпожа Ваггонер даже отодвигает тарелку.

– Богом себя возомнил! – восклицает она.

– Скажите спасибо, что не спалил город, – громко высказываюсь я. Мэдди и Коринн поднимают на меня потрясенные взгляды, но я все равно продолжаю: – Ну да, мы все думали, что он тут камня на камне не оставит, а он пока вообще ничего плохого не сделал.

Госпожа Ваггонер и госпожа Лоусон многозначительно переглядываются с госпожой Койл.

– Ты еще очень мала, Виола, и выступаешь это напоказ, – говорит та. – Не перечь старшим.

Я удивленно моргаю:

– Да я и не перечила... Я только говорю, что мы ждали другого.

Госпожа Койл жует, не сводя с меня глаз.

– Он убил всех женщин родного города только потому, что не мог слышать их мыслей, не мог читать их как мужчин, – говорит она.

Остальные целительницы кивают.

Я открываю рот, но госпожа Койл не дает мне сказать:

– А самое главное, дитя, заключается в том, что твои друзья на кораблях не знают истории нашей планеты, не знают об открытии Шума и о том, что за ним последовало. – Госпожа Койл буравит меня взглядом. – Им только предстоит пройти через то, что с нами уже случилось.

Я ничего не говорю, лишь вглядываюсь в ее лицо.

– Кто, по-твоему, должен познакомить их с планетой и ее историей? – спрашивает госпожа Койл. – Он?

Разговор со мной закончен, она продолжает тихо беседовать с остальными целительницами. Коринн с самодовольной улыбкой опускает глаза, а Мэдди по-прежнему пялится на меня. Но я могу думать только об одном.

Уж не себя ли имела в виду госпожа Койл, когда спросила, кто должен познакомить переселенцев с Новым светом?

На девятый день нашего заточения в лечебном доме я перестаю быть пациенткой. Госпожа Койл вызывает меня в свой кабинет.

– Вот твоя одежда, – говорит она, протягивая мне сверток. – Переоденься – сразу почувствуешь себя человеком.

– Спасибо, – с искренней признательностью говорю я и захожу за ширму, на которую она мне показала. Там я приподнимаю больничную рубашу и осматриваю затянувшуюся рану. – Вы в самом деле творите чудеса.

– Стараюсь, – доносится в ответ.

Я разворачиваю сверток: внутри лежит вся моя одежда, выстиранная и выглаженная. Она так вкусно пахнет и так приятно похрустывает, что я невольно улыбаюсь.

– Знаешь, ты очень храбрая девочка, Виола, – говорит госпожа Койл. Я начинаю одеваться. – Хотя и не всегда следишь за своим языком.

– Спасибо, – с легкой досадой отвечаю я.

– Твой корабль потерпел крушение, родители умерли, ты чудом добралась до Хейвена... Все испытания ты преодолевала с удивительной находчивостью и смелостью.

– У меня был помощник, – говорю я, натягивая чистые носки.

И тут замечаю на маленькой тумбочке блокнот госпожи Койл – тот самый, куда она все время что-то записывала во время наших разговоров. Я осторожно выглядываю: госпожа Койл все еще сидит за столом по другую сторону ширмы. Я приподнимаю обложку блокнота.

– У тебя большой потенциал, дитя, – продолжает она. – Из тебя может вырасти блестящий руководитель.

Блокнот лежит вверх ногами; если я его разверну, госпожа Койл может услышать шорох. Поэтому я пытаюсь выкрутить шею.

– Знаешь, мы с тобой даже похожи.

На первой странице красуется единственная буква, написанная синими чернилами.

«О».

И больше ничего.

– Мы сами творим свою судьбу, Виола, – не умолкает госпожа Койл. – Ты можешь принести нам немало пользы. Если решишься.

Я поднимаю голову от блокнота:

– «Нам» – это кому?

Внезапно дверь в кабинет распаивается, и с таким грохотом, что я подскакиваю от страха и выплываю из-за ширмы. Это Мэдди.

– Приходил гонец от мэра Прентисса, – задыхаясь, выпаливает она. – Женщинам разрешили выходить из дома!

– Как же здесь шумно, – говорю я, морщась от **рёва** Нью-Прентисстауна.

– Скоро привыкнешь, – смеется Мэдди.

Мы сидим на скамейке рядом с магазином, пока Коринн и еще одна ученица по имени Тея закупают все необходимое для лечебного дома – готовятся к новому притоку пациентов.

Я оглядываюсь по сторонам. Если не всматриваться как следует, можно подумать, будто ничего не произошло. Магазины и лавки открыты, по улицам снуют люди – в основном пешком, но кое-кто на лошадях и мопедах. Обыкновенный день из жизни обыкновенного города.

Но потом начинаешь замечать, что люди на улицах никогда не заговаривают друг с другом, а женщин выпускают только днем, не больше чем на час и группами по три-четыре человека. Эти группы никогда не вступают в контакт с другими. Мужчины Хейвена к нам тоже не подходят.

На каждом углу стоят солдаты с винтовками наперевес.

Звякает дверной колокольчик. Из магазина вылетает Коринн с дюжиной пакетов в руках и багровым от гнева лицом. За ней семенит Тея.

– Хозяин магазина сказал, что о спэклах ни слуху ни духу с того дня, как их забрали! – восклицает Коринн, с размаху ставя сумки мне на колени.

– Коринн и ее ненаглядные спэки, – язвительно говорит Тея, закатывая глаза и вручая мне второй пакет.

– Не смей их так называть, они *спэклы*! – осаживает ее Коринн. – Если даже мы не в состоянии хорошо с ними обращаться, то чего ждать от *него*?

– Прости, Коринн, – вздыхает Мэдди, прежде чем я успеваю вставить свой вопрос, – но тебе не кажется, что разумнее сейчас беспокоиться за себя? – Краем глаза она следит за солдатами, которые явно заметили повышенный тон Коринн, но пока ничего не предпринимают, так и стоят, облокотившись на перила продуктового магазина.

Стоят и смотрят.

– Мы поступили с ними не по-людски, – говорит Коринн.

– Да, но они ведь и не люди, – шепотом возражает Тея, тоже поглядывая на солдат.

– Тея Риз! – На лбу Коринн выступает синяя венка. – Да разве может целительница позволять себе подобные...

– Да, да, ты права, – пытается успокоить ее Мэдди. – Мы ужасно с ними обошлись, я согласна. *Все* согласны, но что мы могли поделать?

– Да о чем вы говорите? – наконец вставляю я свое слово. – Что значит «ужасно обошлись»?

– *Лекарство*, – выплевывает Коринн, словно это ругательство.

Мэдди с досадой вздыхает и поворачивается ко мне:

– Благодаря спэклам мы узнали, что лекарство действует.

– Вот-вот. Его на них *тестировали*, – добавляет Коринн.

– Только для них это вовсе не лекарство, – продолжает Мэдди. – Спэклы не умеют говорить, понимаешь? Они иногда цокают языками, но это примерно то же самое, что наш щелчок пальцами.

– Шум был их единственным способом общения, – добавляет Тея.

– И тут выяснилось, что они могут прекрасно понимать наши приказы и без Шума. – Коринн опять повышает голос. – Кому какое дело, что они не смогут общаться *между собой*?

Я начинаю понимать:

– И лекарство...

Тея кивает:

– Оно делает их покорнее.

– Лучше рабов и пожелать нельзя, – с горечью добавляет Коринн.

От удивления я разеваю рот.

– Они были рабами?!

– Ш-ш-ш... – резко осаживает меня Мэдди, бросив взгляд на солдат. Из-за тишины, окружающей их во всеобщем **рёве**, они кажутся зловеще пустыми.

– Мы фактически отрезали им языки, – продолжает Коринн уже тише, но все еще негодуя.

Мэдди уводит нас по улице, то и дело оглядываясь на солдат.

Те провожают нас взглядами.

Мы молча возвращаемся к лечебному дому и входим в двери, над которыми нарисована протянутая синяя рука. Когда Коринн и Тея проходят внутрь, Мэдди хватается за руку и задерживает на пороге.

Минуту-другую она молчит, глядя в пол, и на лбу у нее появляется тревожная морщинка.

– Видела, как на нас смотрели солдаты? – спрашивает она.

– Да.

Девушка скрещивает руки на груди и содрогается:

– Не знаю... что-то мне не очень по душе такой мир.

– Мне тоже, – тихо говорю я.

Помолчав, Мэдди поднимает голову и смотрит мне прямо в глаза:

– Твои люди смогли бы нам помочь? Смогли бы это остановить?

– Понятия не имею, но мы должны выйти с ними на связь. Это лучше, чем сидеть сложа руки и готовиться к худшему.

Мэдди оглядывается, проверяя, не подслушивают ли нас.

– Госпожа Койл очень умна, – говорит она. – Но иногда она слышит и слушает только себя. – Мэдди опять умолкает и закусывает нижнюю губу.

– И?..

– Надо быть начеку, – наконец выговаривает она.

– Для чего?

– Если наступит подходящий момент... Поняла? *Если* он наступит, – девушка вновь озирается по сторонам, – тогда мы попробуем связаться с твоими кораблями.

8

Новая ученица

[Виола]

– Но ведь рабство – это очень плохо, – говорю я, складывая повязку пополам.

– Целительницы всегда были против. – Госпожа Койл ставит очередную галочку в своем списке. – Даже после войны мы считали такое обращение со спэклами бесчеловечным.

– Что же вы не вмешались? – возмущаюсь я.

– Если ты когда-нибудь попадешь на войну, – отвечает госпожа Койл, не отрываясь от блокнота, – ты поймешь, что она несет лишь разрушение. Война не щадит никого, даже тех, кто выжил. Ты молча сносишь все, что раньше тебя ужасало, просто потому, что жизнь на какое-то время теряет всякий смысл.

– Война превращает людей в чудовищ, – говорю я, вспоминая слова Бена той ночью, когда мы вышли на странное место, где жители Нового света хоронили мертвых.

– Да, и мужчин, и женщин, – добавляет госпожа Койл и пересчитывает коробки со шприцами.

– Но ведь война со спэклами закончилась давным-давно, разве нет?

– Тринадцать лет назад.

– За эти тринадцать лет вы все могли исправить.

Наконец госпожа Койл обращает взгляд на меня:

– Жизнь кажется простой только в детстве.

– Но ведь вы были у власти! – не унимаюсь я. – Вы могли хоть что-то изменить.

– А кто тебе сказал, что я была у власти?

– Коринн говорит...

– Ах, Коринн... – Госпожа Койл снова принимается за списки. – Девочка из всех сил старается любить меня, несмотря ни на что.

Я открываю еще один пакет с покупками.

– Но раз вы были председателем этого... Совета, – продолжаю я, – вы могли что-то сделать для спэклов.

– Порой, дитя, – говорит госпожа Койл с недовольством, – людей удается вести в нужном направлении, даже если они того не хотят. Но чаще – нет. Никто не согласился бы дать спэклам полную свободу – такая кровопролитная война, столько сил потрачено на то, чтобы все перестроить и восстановить... Нет, освободить мы их не могли, но обращаться с ними по-человечески можно было. Мы ограничили им рабочие часы, кормили, разрешили жить семьями. Все эти права отстаивала я, Виола.

Госпожа Койл все яростней строчит в блокноте. Секунду-другую я молча наблюдаю.

– Коринн говорит, вас выгнали из Совета за то, что вы спасли кому-то жизнь.

Она не отвечает, только откладывает блокнот и заглядывает на верхнюю полку. Тянется, достает оттуда халат с шапочкой ученицы и бросает их мне.

– Для кого они? – поймав, спрашиваю я.

– Хочешь узнать, каково управлять людьми? Тогда сделай первый шаг на этом пути.

Я смотрю ей в глаза.

Смотрю на шапочку и халат.

И с этой минуты у меня становится столько дел, что даже поесть некогда.

На следующий день после того, как женщинам разрешили выходить из дома, в лечебный дом поступило восемнадцать новых пациентов – все женщины, все с серьезными заболеваниями и травмами: аппендицит, сердечные боли, недолеченный рак, переломы. Все они на много дней оказались взаперти, да еще без помощи мужей и сыновей. Через день поступило еще одиннадцать больных. Госпожа Лоусон умчалась в детский лечебный дом, как только представилась такая возможность, а госпожи Койл, Вагонер и Надари носятся по палатам, спасая жизни. Все работают не покладая рук и почти без перерывов на сон и еду.

Разумеется, нам с Мэдди не до «подходящих моментов», я даже не успеваю беспокоиться, почему мэр так и не приходит меня навестить. Я ношусь по лечебному дому, путаясь под ногами целительниц, стараюсь хоть чем-то им помогать и успеваю учиться.

А целительница из меня никудышная.

– Я никогда этому не научусь! – Мне в очередной раз не удалось измерить давление очаровательной старушки по имени миссис Фокс.

– Похоже на то, – говорит Коринн, поглядывая на часы.

– Терпение, девонька, – успокаивает меня миссис Фокс. – Если чему-то надо учиться, то учиться надо хорошо.

– Тут вы правы, миссис Фокс. – Коринн переводит взгляд на меня. – Попробуй еще.

Я накачиваю манжету воздухом и, глядя на стрелку манометра, внимательно прислушиваюсь к характерным звукам в стетоскопе.

– Шестьдесят на двадцать? – жалобно выдавливаю я.

– Что ж, давай проверим, – говорит Коринн. – Миссис Фокс, вы, случайно, утром не умерли?

– Ох, силы небесные, нет!

– Значит, не шестьдесят на двадцать.

– Я же всего три дня этим занимаюсь... – пытаюсь оправдаться я.

– Вот именно, а я шесть лет, – отрезает Коринн. – И тут вдруг явилась какая-то неумеха и сразу стала такой же ученицей, как я! Странно мир устроен...

– У тебя прекрасно получается, милая, – говорит мне миссис Фокс.

– Неправда, миссис Фокс, – возражает Коринн. – Вы уж простите, что я вам перечу, но для некоторых врачевание – святой долг.

– Для меня тоже, – почти машинально отвечаю я.

И напрасно.

– Врачевание – не просто работа, дитя, – говорит Коринн. Слово «дитя» она произносит таким ядовитым тоном, словно это самое страшное оскорбление. – Нет ничего важнее на свете, чем спасать жизни. Мы делаем Божье дело. Не то что твой приятель-тиран!

– Он не мой прия...

– Приносить страдания людям, да кому *угодно* – самый страшный грех!

– Коринн...

– Ты ничего не понимаешь! – в сердцах продолжает она. – Ты только притворяешься, а на самом деле тебе на все плевать!

Мы с миссис Фокс обе съеживаемся и едва не проваливаемся под землю.

Коринн переводит взгляд с меня на нее, поправляет шапочку и халат, разминает затекшую шею и делает глубокий вдох.

– Ну, давай еще раз!

– В чем разница между больницей и лечебным домом? – спрашивает госпожа Койл, отмечая галочками правильные ответы.

– Главная разница заключается в том, что в больницах доктора – мужчины, а в лечебных домах работают женщины, – наизусть отвечаю я, раскладывая таблетки по стаканчикам.

– Почему?

– Пациент, будь то мужчина или женщина, должен иметь право выбора, читать мысли врача или нет.

Госпожа Койл приподнимает бровь:

– А настоящая причина?

– Политика, – отвечаю я, как меня учили.

– Верно. – Госпожа Койл ставит последнюю галочку и передает мне бумаги. – Отнеси это и лекарства Мэдди, пожалуйста.

Она уходит, а я продолжаю раскладывать таблетки. Когда я выхожу из кабинета с подносом в руках, в конце коридора мелькает госпожа Койл, она быстро проходит мимо госпожи Надари и...

Клянусь, она передает ей записку! Не останавливаясь, прямо на ходу, чтобы никто не заметил.

Обе делают вид, что ничего не произошло.

Нам по-прежнему разрешают выходить на улицу не больше чем на час, группами по четыре человека, но даже за это время мы успеваем заметить, как Нью-Прентисстаун приходит в себя. Когда первая неделя моего ученичества подходит к концу, до нас доползает слух, что некоторых женщин даже начали выводить на полевые работы – большими группами, конечно.

Еще мы узнаем, что всех спэклов держат в загоне где-то на краю города, там они дожидаются «обработки», что бы это ни значило.

Старый мэр, говорят, работает уборщиком.

А про мальчика ни слова.

– Я пропустила его день рождения, – говорю я Мэдди, накладывая повязку на резиновую ногу. Она настолько похожа на настоящую, что ей даже дали имя – Руби. – Четыре дня назад ему исполнилось тринадцать. Я потеряла счет дням, пока лежала без сознания, и...

Слова застревают у меня в горле. Я затягиваю узел на повязке потуже...

И вспоминаю, как он перевязывал мне раны.

А я перевязывала ему.

– Уверена, он жив и здоров, – говорит Мэдди.

– Ни в чем ты не уверена, – вздыхаю я.

– Правда. – Девушка смотрит в окно на дорогу. – Но несмотря ни на что, в городе все спокойно. Войны нет. Несмотря ни на что, мы еще живы и работаем. Вполне возможно, что Тодд тоже жив и здоров.

Я затягиваю узел еще туже:

– Ты что-нибудь знаешь про синюю «О»?

Мэдди переводит взгляд на меня:

– Синюю «О»? Что это?

Я пожимаю плечами:

– Да так... увидела в блокноте госпожи Койл.

– Первый раз слышу. – Мэдди отворачивается к окну.

– Что ты там высматриваешь?

– Считаю солдат, – отвечает она и снова бросает взгляд на нас с Руби. – Отличная повязка. – Она улыбается, и я даже готова ей поверить.

Я иду по главному коридору, зажав под мышкой Руби: буду учиться делать внутримышечные инъекции. Мне заранее жаль ту женщину, чьей ягодице достанется мой первый настоящий укол.

Повернув за угол – коридор здесь доходит до центра здания и поворачивает на девяносто градусов в другое крыло, – я едва не врезаюсь в группу целительниц. Увидев меня, они замирают на месте как вкопанные.

За госпожой Койл толпится пять, нет, даже *шесть* целительниц! Я узнаю госпожу Надари и госпожу Ваггонер, госпожа Лоусон тоже здесь, но остальных трех я вижу впервые. Когда они успели прийти?

– У тебя что, нет работы? – спрашивает госпожа Койл с легкой досадой в голосе.

– В-вот, Руби. – Я виновато показываю ей ногу.

– Это она? – спрашивает незнакомая мне целительница.

И госпожа Койл, даже не представив нас, отвечает:

– Да, это та самая девочка.

С Мэдди мне удастся переговорить только в конце дня, но не успеваю я и рта раскрыть, как она выпаливает:

– Я все просчитала!

– Ты не заметила, у одной из них был шрам над верхней губой? – шепчет Мэдди в темноте.

Уже глубокая ночь, свет везде погасили, а мы давно должны были разойтись по комнатам.

– Кажется, был, – шепчу я в ответ. – Они почти сразу ушли.

По дороге мимо лечебного дома проходит еще двое солдат. Согласно расчетам Мэдди, ждать осталось ровно три минуты.

– Тогда это госпожа Баркер, а остальные две – госпожа Брэтти и госпожа Форт. – Мэдди снова выглядывает в окно. – Мы ненормальные, ей-богу! Если она нас поймает, ох нам и влетит!..

– Вряд ли она тебя уволит... учитывая обстоятельства...

Мэдди о чем-то задумывается.

– А ты слышала их разговор?

– Нет, они как воды в рот набрали, как только меня завидели.

– Но называли тебя «той самой девочкой»?

– Да. И госпожа Койл потом весь день меня сторонилась.

– Госпожа Баркер... – задумчиво протягивает Мэдди. – Но чего они хотят этим добиться?

– В смысле? – не понимаю я.

– Эти целительницы входили в Городской совет, когда председателем была госпожа Койл. А Баркер до сих пор в нем состоит. То есть состояла, пока город не захватили. Но с чего они... – Мэдди умолкает и припадает к окну. – Последняя четверка пошла!

Я выглядываю: по дороге маршируют четыре солдата.

Если Мэдди не ошибается, идти надо сейчас.

Если не ошибается.

– Готова? – шепчу я.

– Конечно нет! – с испуганной улыбкой отвечает Мэдди. – Но все равно пойду.

Она разминает руки, чтобы они не так сильно дрожали.

– Мы только посмотрим, – говорю я. – Глянем одним глазком и тут же вернемся обратно – сама не заметишь.

Мэдди все еще выглядит ужасно напуганной, но кивает:

– Я в жизни ничего подобного не делала!

– Не волнуйся, – говорю я, поднимая окно. – Я на этом собаку съела.

Рёв города, даром что спящего, прекрасно заглушает звук наших шагов: мы неслышно крадемся по лужайке. В ярком свете двух лун над нашими головами, кажется, можно читать.

Мы пробираемся к придорожной канаве и прячемся в кустах.

– Теперь что? – шепотом спрашивает Мэдди.

– Ты сказала, что через две минуты пойдет следующая пара.

Мэдди кивает:

– Да, а потом еще один семиминутный перерыв.

В это время мы с ней начнем двигаться вдоль дороги, стараясь не отходить далеко от кустов, – посмотрим, насколько близко нам удастся подойти к радиобашне. Если это вообще радиобашня.

А там будем ориентироваться по ситуации.

– Ты как, нормально? – шепчу я.

– Да, – отвечает Мэдди. – Мне страшно, но весело!

Я ее понимаю. Мы сидим в канаве среди ночи, это безумие, это очень опасно, но я чувствую, что наконец-то занята делом, что моя жизнь в моих руках. Я чувствую это впервые с тех пор, как выбралась из больничной койки.

Наконец я делаю что-то для Тодда.

С дороги раздается хруст гравия, и мы пригибаемся еще ниже: мимо проходит двое солдат.

– Вперед! – шепчу я.

Мы распрямляемся, насколько хватает храбрости, и быстро бежим вдоль канавы – прочь от города.

– А у тебя остались какие-нибудь родственники на кораблях? – шепчет Мэдди. – Кроме мамы с папой?

Я слегка морщусь – лучше б она помалкивала, – но так ей, видимо, проще справиться со страхом.

– Нет, но я многих знаю. Брэдли Тенча – он главный хранитель на «Бете»... и Симону Уоткин с «Гаммы» – она умница.

Дорога плавно поворачивает, и канава вместе с ней, впереди показывается перекресток.

Мэдди прибавляет шаг:

– Значит, ты хочешь связаться с Симо...

– Ш-ш! – Кажется, я слышу какой-то звук.

Мэдди подходит и вплотную прижимается ко мне. Она вся дрожит от страха и часто-часто дышит. Сегодня я без ее помощи не справлюсь – только она знает, где находится башня, – но в следующий раз уж точно пойду одна.

Потому что если вдруг что-то случится...

– Ладно, все нормально, – говорю я.

Мы медленно выходим из канавы и переходим дорогу, все время озираясь по сторонам и как можно мягче ступая по гравию.

– Куда это мы собрались? – раздается голос.

Мэдди охает у меня за спиной. У дерева, беззаботно прислонившись к стволу и скрестив ноги, стоит солдат.

Даже в темноте я вижу, что одной рукой он лениво держит винтовку.

– Не поздновато для прогулок, а?

– Мы заблудились, – выдавливаю я. – Отстали от своих...

– Ну-ну. Так и я подумал.

Солдат чиркает спичкой о молнию на бушлате. В свете пламени я успеваю разглядеть имя, вышитое на грудном кармане: «Сержант Хаммар». Он закуривает.

Курение запрещено приказом мэра Прентисса.

Но на сержантов запрет, похоже, не распространяется.

К тому же любой человек без Шума может запросто спрятаться в темноте.

Сержант делает шаг вперед, и мы видим его лицо. За сигаретой – безобразная широкая ухмылка, противней я в жизни не видела.

– Ты? – В его голосе слышится узнавание. Сержант поднимает винтовку. – Та самая девчонка! – выплевывает он.

– Виола? – шепчет Мэдди, прячась за моей спиной.

– Мэр Прентисс меня знает, – говорю я. – Вы не посмеете меня тронуть!

Сержант затягивается сигаретой. Вокруг так темно, что от огонька у меня перед глазами остается яркий след.

– *Президент* Прентисс тебя знает, – уточняет сержант. Затем переводит взгляд и дуло винтовки на Мэдди: – А вот тебя – вряд ли.

И тут, не успеваю я и слова вымолвить...

Без всякого предупреждения...

Словно для него это так же естественно, как дышать...

Сержант Хаммар спускает курок.

9 Войне конец

[Тодд]

– Сегодня твоя очередь засыпать яму, – говорит Дейви, бросая мне канистру с известью.

При нас спэки никогда выгребной ямой не пользуются, но с каждым днем она растет и воняет все сильнее, приходится засыпать ее известью, чтобы бороться с запахом и инфекциями.

Надеюсь, с инфекциями она борется лучше, чем с запахом.

– Когда уже будет *твоя* очередь? Почему опять я?

– Потому что у па ты любимчик, но главным он все равно назначил меня! – Дейви мерзко ухмыляется.

Я плетусь к яме.

Дни проходят один за другим, двух недель уже как не бывало.

А я до сих пор живой и вообще все довольно сносно.

(а она?)

(как она?)

Мы с Дейви каждое утро ходим к монастырю, где он «следит» за работой спэклов: они сносят заборы и выпалывают кусты ежевики, – а я целыми днями подсыпаю им корм, которого все равно недостаточно, без толку чиню колонки и заваливаю известью выгребную яму.

Спэклы молчат и ничего не делают, чтобы спастись. Их полторы тысячи – мы наконец пересчитали, – а в загоне, где они живут, не поместилось бы и двухсот овец. Охраны стало больше: солдаты стоят на каменной стене, целясь между рядами колючей проволоки, – но спэклы даже не думают устраивать бунт.

Они терпят. Они выживают.

Как и весь Нью-Прентисстаун.

Каждый день мэр Леджер рассказывает мне, что видит в городе, пока собирает мусор. Мужчины и женщины пока живут отдельно, налоги выросли, появились новые указы о том, как надо выглядеть, какие книги жители обязаны немедленно сдать и сжечь. В церковь теперь тоже ходить обязательно, но не в собор, понятное дело.

И все-таки жизнь в городе понемногу налаживается. Открылись магазины, по улицам снова ездят повозки и ядерные мопеды – я даже видел парочку ядерных автомобилей. Мужчины работают. Плотники плотничают, пекари пекут, фермеры возделывают землю, дровосеки заготавливают лес, кто-то даже добровольно вступает в армию – новых солдат легко отличить по Шуму, потому что им еще не дают лекарство.

– Знаешь... – сказал мэр Леджер однажды вечером, и я заранее увидел, о чем он думает, – мне эта мысль раньше не приходила в голову, я попросту ее не допускал. – Все не так уж плохо. Я-то готовился к резне. Думал, меня убьют, а потом сожгут и весь город. Капитуляция – не самое благородное решение, но Прентисс, видать, не соврал. – Он встал и посмотрел на Нью-Прентисстаун. – Быть может, война в самом деле закончилась.

– Ай!!!

Не успеваю я дойти до ямы, как раздается визг Дейви. Оборачиваюсь. К сынку мэра подошел спэкл.

Он тянет вверх длинные белые руки и начинает цокать, показывая на место, где его собратья только что снесли забор. Он цокает и цокает, показывая на пустые поилки, но понять его нельзя – Шума-то больше нет.

Дейви подходит ближе, тараща глаза и сочувственно кивая. Губы его растянуты в зло-вещей улыбке.

– Да-да, понимаю, вы хорошо поработали и хотите пить. Конечно, конечно, спасибо, что обратили на это мое внимание, большое спасибо, весьма признателен. И вот мой ответ!

Он с размаху бьет спэкла в лицо прикладом пистолета. Слышится хруст костей, и спэкл падает на землю, держась за подбородок и суча длинными ногами в воздухе.

Вокруг нас поднимается волна цоканья, а Дейви вскидывает пистолет и наводит его на толпу. Охрана на заборе тоже поднимает винтовки. Спэклы шарахаются назад, а раненый все еще извивается на траве.

– Знаешь что, Тодд? – спрашивает Дейви.

– Что? – Я не свожу глаз с раненого спэкла, мой Шум дрожит, точно лист на ветру.

Дейви оборачивается ко мне с пистолетом наготове:

– Хорошо быть главным!

Каждый божий день я готовлюсь к концу света.

И каждый божий день он не наступает.

И каждый божий день я ищу ее.

Я высматриваю Виолу с колокольни, но вижу внизу только марширующих солдат и работающих людей – ни одного знакомого лица, ни одной знакомой тишины. Высматриваю ее на улицах – по дороге в монастырь и обратно, – разглядываю окна домов в женском квартале, но ее нигде нет.

Честно говоря, я даже надеюсь увидеть ее в толпе спэ-клов: представляю, как она выскочит из-за чьей-нибудь спины, наорет на Дейви за то, что он их бьет, а мне скажет как ни в чем не бывало: «Привет, вот и я!»

Но ее нет.

Ее нет.

Я спрашиваю о ней мэра Прентисса всякий раз, когда мы видимся, но он твердит одно и то же: я должен ему доверять, мы не враги, если я ему доверюсь, все будет хорошо.

Но я продолжаю высматривать.

И ее нигде нет.

– Привет, девочка моя, – шепчу я на ухо Анггаррад, седлая ее в конце дня.

Мы с ней здорово ладим: я уже гораздо лучше езжу, лучше разговариваю с ней, лучше угадываю ее настроения. Мне больше не страшно сидеть в седле, а ей не страшно меня возить. Утром я угостил ее яблоком, а она в ответ потрепала зубами мои волосы, как будто я тоже лошадь.

Жеребенок, говорит она, когда я сажусь в седло. Мы с Дейви отправляемся в обратный путь.

– Анггаррад, – говорю я, подаваясь вперед в седле, потому что лошадям, как я уже понял, это важно: постоянно чувствовать, что все на месте, что стадо рядом.

Больше всего на свете лошади не любят одиночество.

Жеребенок, повторяет она.

– Анггаррад, – повторяю я.

– Эй, ушлепок, хватит уже! Может, еще женишься на... – Он умолкает, а потом вдруг переходит на шепот: – Черт подери! Ты только глянь!

Я поднимаю голову.

Из магазина выходят женщины.

Их четверо, они идут тесной группой. Мы знаем, что им недавно разрешили выходить на улицу, но они выходят только днем, пока мы с Дейви работаем в монастыре, поэтому возвращаемся мы всегда в город мужчин, где от женщин остаются лишь воспоминания и сплетни.

Я давным-давно не видел их вблизи – только в окнах или с колокольни.

Они в кофтах с длинными рукавами и длинных юбках – раньше вроде были покороче, – и волосы у всех убраны в одинаковые пучки. Они с тревогой поглядывают на солдат, выстроившихся вдоль улицы, и на нас с Дейви тоже, – мы все внимательно смотрим, как они спускаются по ступенькам магазина.

Женщины по-прежнему излучают тишину, от которой щемит в груди, и, пока Дейви не смотрит, я быстренько вытираю глаза.

Потому что *ее* среди них нет.

– Опаздывают, – очень тихо говорит Дейви. Похоже, он тоже давным-давно не видел женщин. – Им полагается быть дома до захода солнца.

Они проходят мимо, крепко прижимая к себе свертки, и уходят в сторону женского квартала. В груди у меня все сжимается, горло сдавливает.

Потому что среди них нет *ее*.

И тут я снова понимаю...

С новой силой осознаю, насколько...

И мой Шум мигом превращается в кашу.

Мэр Прентисс использует *ее*, чтобы держать меня в узде. Ну конечно, это любому idiotу ясно! Если я не буду выполнять его приказы, он убьет *ее*. Если я попытаюсь сбежать, он убьет *ее*. Если я сделаю что-нибудь с Дейви, он убьет *ее*.

Если уже не убил.

Мой Шум чернеет.

Нет, она жива, надо верить.

Она могла быть здесь, идти по этой самой улице вместе с другими женщинами.

Только живи, думаю я. Пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста, только живи.

Мы с мэром Леджером ужинаем. Я стою у узкого окошка в колокольне и высматриваю внизу Виолу, стараясь не обращать внимания на **рёв**.

Мэр Леджер был прав. В городе столько мужчин, что, как только лекарство прекратило действовать, различить Шум отдельных людей в общем грохоте стало нельзя. Это все равно что попытаться услышать каплю воды в бурной реке. Шум мужчин превратился в единую стену звука, где все так смешалось, что ничего нельзя не разобрать.

Но вообще-то терпеть можно, если привыкнуть. Слова, мысли и чувства мэра Леджера в его собственном сером Шуме почему-то даже больше отвлекают.

– Совершенно верно, – говорит он, поглаживая живот. – Человек способен мыслить. Толпа – нет.

– Армия тоже способна, – усмехаюсь я.

– Только если у нее есть голова.

С этими словами мэр Леджер выглядывает в соседнее окно. По площади едет на коне мэр Прентисс, а за ним, внимательно слушая приказы, мистер Хаммар, мистер Тейт, мистер Морган и мистер О'Хара.

– Пособнички, – ухмыляется мэр Леджер.

В его Шуме даже как будто проскальзывает нотка зависти.

Мэр Прентисс спешивается, отдает поводья мистеру Тейту и скрывается в соборе.

Не проходит и двух минут, как нашу дверь отпирают.
– Тебя ждет президент, – говорит мистер Коллинз.

– Одну минуту, Тодд.

Мэр открывает ящик и заглядывает внутрь.

Мы в подвале собора, куда мистер Коллинз тычками спустил меня по лестнице за главным залом. Я молча стою, гадая, какую часть моего ужина успеет съесть мэр Леджер, пока мы тут разговариваем.

Мэр Прентисс вскрывает новый ящик.

– *Президент* Прентисс, – поправляет он меня, не поднимая глаз. – Постарайся уже запомнить. – Он выпрямляется. – Раньше здесь хранили вино. Куда больше, чем необходимо для причастия.

Я все молчу.

Он с удивлением смотрит на меня:

– Что же ты не спрашиваешь?

– О чем? – не понимаю я.

– Как же, о лекарстве, Тодд! – восклицает Прентисс, ударив по одному из ящиков кулаком. – Мои люди изъяли у горожан все запасы – до последней пилюли. И все это теперь здесь. – Он вынимает из ящика пузырек, открывает крышку и достает маленькую белую пилюлю. – Разве тебе никогда не хотелось узнать, почему я не даю лекарство ни тебе, ни Дэвиду?

Я переступаю с ноги на ногу:

– Это наказание?

Мэр качает головой.

– Мистер Леджер все еще нервничает? – с усмешкой спрашивает он.

Я пожимаю плечами:

– Немного. Иногда.

– Они изобрели лекарство, – говорит мэр Прентисс, – а потом стали от него *зависеть*. – Он указывает на бесконечные ряды ящиков. – И если я отберу у них все, в чем они так нуждаются...

Он кладет пилюлю в карман и поворачивается ко мне почти полностью, широко улыбаясь.

– Вы что-то хотели? – бормочу я.

– Ты что же, в самом деле, забыл?

– О чем?

Помолчав, мэр Прентисс говорит:

– С днем рождения, Тодд!

От удивления я разеваю рот. Все шире и шире.

– Ты родился четыре дня назад, – продолжает мэр Прентисс. – И ни словом об этом не обмолвился. Я, признаться, удивлен.

Поверить не могу. Я начисто забыл о собственном дне рождения!

– Праздновать незачем, – говорит мэр Прентисс, – ведь мы оба знаем, что ты уже стал мужчиной, не так ли?

Я снова вызываю в памяти убийство Аарона.

– За последнее время ты прекрасно себя показал, – продолжает мэр Прентисс, не обращая на мои картинки никакого внимания. – Я знаю, тебе было очень тяжело: ты не знал, что с Виолой и как себя следует вести, чтобы не причинить ей вред. – Его голос гудит у меня в голове, что-то выискивая. – Однако ты много работал. И даже успел благотворно повлиять на Дэвида.

Я ничего не могу с собой поделать: в голове невольно рисуется, как я превращаю Дейви Прентисса в кровавую кашу.

Мэр Прентисс невозмутимо говорит:

– В благодарность я решил сделать тебе два запоздалых подарка ко дню рождения.

Мой Шум радостно взмывается.

– Встреча с Виолой?

Мэр Прентисс улыбается, словно ожидал такой реакции:

– Нет, но вот что я тебе обещаю: в день, когда ты сможешь искренне мне поверить, Тодд, когда ты в самом деле поймешь, что я хочу только блага этому городу и блага тебе, в этот самый день ты убедишься, что мне в самом деле можно доверять.

Я слышу собственное частое дыхание. Что ж, он почти признался, что с Виолой все в порядке.

– Первый подарок ты заслужил сам, – говорит мэр Прентисс. – Начиная с завтрашнего дня у тебя будет новая работа. По-прежнему с нашими друзьями спэклами, но ответственности у тебя станет намного больше. – Он снова пристально смотрит мне в глаза. – Это очень перспективная работа, Тодд.

– Чтобы в будущем я мог вести за собой людей? – спрашиваю я чуть язвительней, чем ему бы хотелось.

– Вот именно.

– Ну, а второй подарок? – Я все еще надеюсь, что мне позволят увидеться с Виолой.

– Второй мой подарок, Тодд, заключается вот в чем: лекарство у тебя под носом, только руку протяни, – мэр Прентисс показывает на ящики, – но ты не получишь ни одной пилюли.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.